

ОСОБЛИВОСТІ ВЖИВАННЯ ФОРМ АКТИВНИХ
ДІЄПРИКМЕТНИКІВ У МОВІ ТВОРІВ
Г. Ф. КВІТКИ-ОСНОВ'ЯНЕНКА

На активні дієприкметники, як відомо, були багаті старослов'янська і давньоруська мови, часто вони зустрічалися і в старій українській літературній мові, про що свідчить словник Памва Беринди, твори Вишенського, Сковороди та інші пам'ятки старої української літературної мови. У народній мові (розмовній та уснопоетичній) такі форми функціонують переважно як прикметники. Сучасники ж Квітки — Гулак-Артемовський і особливо Гребінка — здебільшого уникали активних форм, зберігаючи лише форми пасивних дієприкметників на *-ний*, *-тий*. На який же шлях у використанні цих форм стає один з перших фундаторів нової української прози?

Дехто з мовознавців, заперечуючи існування активних дієприкметників в українській літературній мові взагалі, вважав, що і Квітка-Основ'яненко вживав їх тільки як прикметники [1, с. 5]. Однак спостереження над дієприкметниковою системою у мові творів письменника спростовують цю думку. Він творить і вживає дієприкметникові форми, орієнтуючись перш за все на їх функціонування у говірній мові народу та фольклорі, обережно вибираючи з арсеналу старої книжної української мови лише ті форми й конструкції (і в таких пропорціях), які здавна побутували в мові різних верств тогочасного українського суспільства.

Така орієнтація письменника в основному й визначає ті особливості, що зустрічаємо в уживанні ним дієприкметникових форм. Це в першу чергу стосується пропорцій уживання активних і пасивних форм (менше активних і більше пасивних), лексичних груп дієслів, від яких письменник утворював дієприкметникові форми, їх синтаксичних та стилістичних функцій. Форми на *-чий*, *-ций* і *-лий*, *-(в)ший*, які знаходимо у творах Квітки, за своїми значеннями і синтаксичними функціями неоднорідні. Вони належать в основному до трьох лексико-граматичних розрядів слів — до активних дієприкметників теперішнього чи минулого часу: *виходячий*, *пропаший* [2, т. 1, с. 664], до зад'єктивованих і субс антивованих форм: *біглий*, *померший* [2, т. 2, с. 91], а також до віддієслівних прикметників з дієприкметниковими суфіксами або складних прикметників, утворених за допомогою прикметників та інших частин мови: *новостроющий* [2, т. 2, с. 279].

Крім того, у творах Квітки-Основ'яненка є ще й інші застарілі (старослов'янські) форми на *-ай* (*,яй*), що вживаються (як і форми на *-мий*) виключно як засіб негативної характеристики конотопського писаря у творі «Конотопська відьма». Напр.: «Дадіте вашу десницю у мою шуйцю, та й будемо разом мацание воспроизводити круг усієї хати, чи не сокрившася де двері во онім місці або чи не який враг, *ненавидяй* добра, похити їх» [2, т. 2, с. 214]. Саме в цьому

творі, в уривках, стилізованих під старослов'янську й канцелярську мови, ми бачимо найбільше форм на *-чий* і *(в)ший*, які не втратили дієслівних ознак і вживаються у нечленній і членній формі в синтаксичних функціях, характерних для старослов'янської та старої української книжної мови (зокрема у творах релігійного змісту) — постпозитивного означення або у складі давального самостійного звороту. Напр.: «воззрів на нього гордим оком і нечистим серцем, аки на пса *смердяща*» [2, т. 2, с. 221]; тут же (у мові писаря): «Всім *зряцим* і *дивующимся*, ніхто же о допоміжній не радить» [2, т. 2, с. 168]; «не *доходящу* ми хижини старої Цимбалихи вназавтра под носі мої вержеться нічтось» [2, т. 2, с. 138] та ін. У мові ж інших персонажів, як і в мові самого автора, ні в цьому, ні в інших творах будь-якої тематики (і в історичних повістях та листуванні) дієприкметники в таких функціях, у нечленних формах або з часткою *-ся* не вживаються.

Слід зазначити, що у творах Квітки кількісно переважають форми на *-чий* (57 прикладів). На *-чий* ми маємо лише шість прикладів, що зустрічаються виключно у мові автора: *виходячий* [2, т. 1, с. 664], *лежачий* [2, т. 2, с. 230, 402], *проїжджаючий* [2, т. 2, с. 264], *проходячий* [2, т. 2, с. 404], *шкварчачий* [2, т. 2, с. 478]. Форми на *-чий* утворені від неперехідних дієслів недоконаного виду із значенням руху (*виходячий*, *проходячий*, *проїжджаючий* або стану (*лежачий*, *шкварчачий*). Функціонують вони як дієприкметники, які не втратили ознак дієслова (видових і часових), що підтверджується не тільки наявністю залежних слів, відповідних синтаксичних функцій і характерних для дієслова зв'язків, а інсідій контекстом.

Так, наприклад, дієве значення форм *виходячий* і *шкварчачий* підсилюється тим, що вони виступають у складі постпозитивного відокремленого означального звороту: «Галочка (побачивши Твердохліба, *виходячого* із хати)» [2, т. 1, с. 664] і «Уписав їх Хома самотужки аж зо три, та добрав п'ятірко рибок тарані, у маслі *шкварчачих*» [2, т. 2, с. 478] або постпозитивного відокремленого означення: «Робота, хоч у полі, у господарстві, не ждеть завтрього, коли сьогодні чого не зробив, то і не думай його завтра справляти: на завтра вп'ять є своє, *шкварчаче*, що вп'ять не дожида завтрього» [2, т. 6, с. 675]. За формальними ознаками це активні дієприкметники теперішнього часу (тобто означають дію, яка має збігатися з моментом мовлення). У контексті ж вони набирають і додаткових часових значень. Так, наприклад, у першому реченні, будучи складовою частиною дієприслівникового звороту, форма *виходячого* по відношенню до дієприслівника *побачивши* означає дію передуючу, одночасну і наступну (бо тематично і за видом їх дії відносяться як лінійна і пунктуальна). По відношенню ж до часу репліки персонажа дія, виражена дієприкметником, одночасна. Інакше можна передати так: у той час, коли Твердохліб виходив (дія лінійна), Галочка побачила (дія пунктуальна) і говорить (дії дієприкметника і присудка на певному відрізку часу збігаються). Тобто

передування, наступність чи одночасність у певний момент чи відрізок часу з другорядною або головною дією суб'єкта речення є характерне для дієприкметника *виходячого* додаткове часове значення. Дієприкметник *шкварчачих* у другому прикладі теж виступає з часовим значенням передування і одночасності, але відносно тільки дії присудка (тараня шкварчала у маслі до того часу і в той момент, коли Хома її добирав). По відношенню до моменту мовлення він указує на дію передуючу.

У двох випадках дієве значення форм на *-чий* підкреслюється контекстуально, ситуацією, а тому синтаксична функція додатка майже не впливає на його послаблення. Напр.: «Дивлячися на них, Трохим пильно доглядався і на *проходячих*, щоб *йшов* своєю дорогою» [2, т. 2, с. 404]; «Та з сим словом хряп дідуся по щоді, а той *бебех* об землю... Еге! та й *лежить* цілісінький, і скиглить, і плаче, і стогне, і нічого не говорить. Хома подумав, що ще трохи його товкмачив, прийнявсь *лежачого* шкварити... дідусь не розсипається, а Хома знай його бєбєхами годує» [2, т. 2, с. 230]. В останньому прикладі дієприкметник «лежачий» вказує на тимчасовий, а не постійний стан дідуся. У контексті цей дієприкметник виступає паралельною формою до дієслова «лежить» (бо впав від удару по щоді). Його часове значення, підкреслене контекстом, таке ж, як і в попередніх прикладах, бо дія дієприкметника ширша за дію присудка. Проте в іншому випадку, де ця форма означає постійний стан предмета як його властивість, дієприкметник виступає ад'єктивно. Це ми бачимо у народному прислів'ї, використаємо письменником у мові персонажа: «Як буде, так і буде. Під *лежачий* камінь вода не біжить». [2, т. 2, с. 402]. Над ад'єктивізацію цієї форми впливає не тільки його семантика, а до деякої міри і відсутність залежних слів, і синтаксична функція препозитивного означення, хоча ці фактори не можна вважати вирішальними.

Отже, форми на *-чий* характерні тим, що вживаються в основному в авторській мові і завдяки їх лексико-граматичним значенням, функціонують як дієприкметники, незалежно від їх синтаксичних функцій.

Форми ж на *-иий*, хоч і переважають кількісно, проте їх функції і сфера вживання стилістично обмежені. Як уже зазначалося, вони зустрічаються здебільшого в мовних партіях Пістряка, стилізованих під старослов'янську чи канцелярську мову, і поряд з іншими застарілими формами (на *-ай*, *-яй*, *-мий* і т. п.) майстерно використовуються письменником як дієвий засіб викриття зарозумілості й обмеженості, хизування своєю вченістю одного з найогидніших представників козацької верхівки — хитрого п'яниці-писаря. Його мова пересипана (крім названих раніше, ще й такими формами на *-иий*, як *бідствующий* [2, т. 2, с. 169], *начальствующий* [2, т. 2, с. 172]. Навіть народні забобони й повір'я «високоосвічений» пан писар переказує не інакше, як списьменна, вплітаючи туди форми *ползущий*, *скачущий*, *імущий* та ін.: «Є на світі нечестивії баби... воздоють дряпливих кішок, вредоносних мишей,

розтлінних жаб... і всякое дыхание, *ползущее* і *скачущее*, *імущее* млекопитающия устройства» [2, т. 2, с. 169].

Значно рідше Квітка вживає ці форми в позитивному плані, як, наприклад, у сентиментально-моралізаторській повісті «Маруся», де форма на *-ций* зустрічається в авторській мові: «Далі і хмарочки стали ...розступатись, щоб дати дорогу для якогось пишного, важного гостя, ніби царя якого, *діючого* добро усьому миру, і покотились геть-геть» [2, т. 2, с. 40] або у мові персонажа: «Потіште своїм послух'янством і мене старика, батька *скорблячого*» [2, т. 2, с. 93]. Дієве значення цих форм підтримується їх семантикою і синтаксичними функціями — постпозитивного означення (батька скорблячого) чи у складі відокремленого звороту (царя, діючого добро).

До дієприкметників на *-ций* слід віднести також і кілька форм, утворених від дієслів чуття (від *кохати* — *кохаючий*, від *любити* — *люблячий*) та від дієслова *могти* — *можущий*, що зустрічаються в авторській мові у ремарках його драматичних творів (напр., у п'єсі «Щира любов»: «Микола, взявши за руку, веде Галочку, ледве *можущую* йти. Олена піддержує її» [2, т. 1, с. 692]) або в його листах до Т. Г. Шевченка: «Та не розлюбляйте щиро Вас *кохаючого* Григорія Квітку» [12, т. 6, с. 652] і «Об сім попросить від мене і від усіх, *люблящих* читати усе добре, нашого Євгенія Павловича Гребенку, нехай утне яку приказку нашу» [2, т. 6, с. 641]. Хоч значення теми цих дієприкметників широче («кохаючий» і «люблячий» не тільки в даний момент, а взагалі, «ледве можущая» не тільки в той момент, коли Микола взяв за руку Галочку, а й до цього моменту), їх дієвість, процесуальність підтримується залежними від них словами і синтаксичними функціями.

До субстантивованих дієприкметників на *-ций* у мові письменника можна віднести лише дві форми — *проїжджаючий* (ужито 5 раз) і *судячий* (понад 15 раз), які частіше зустрічаються у творах реалістичного напрямку переважно у формі множини. Найбільше їх у творі «Козир-дівка» (8 вип. з 15). У реченні вони виступають у функції підмета або додатка: «Наведе їх повну хату; хоч і навернеться який *проїжджаючий*, він усіх повигонить» [2, т. 2, с. 271]; «а сам губернатор пішов до *судящих*» [2, т. 2, с. 288], рідше (у 4 вип.) — іменною частиною складеного присудка у називному (частіше) чи орудному відмінках: «бо вони на те *судячі*» [2, т. 2, с. 297]; «Побіля душників у печах, щоб дим та пар випускати лишній, приставлені ті, що були *судящими* та діла не робили, тільки що підписували, що писар скаже і положить перед ним» [2, т. 2, с. 247]. Численну групу серед форм на *-ций* (понад 30 вип.) становлять віддієслівні прикметники, які в мові Квітки інколи вживаються як іменники (напр., *болячий* з 8 вип. — 5 разів ужитий субстантивно: «престарих і *болящих* під руки ведуть...» [2, т. 2, с. 124] або частіше виступають як і в народній мові, лексичними еквівалентами до інших прикметників. Напр., *видюча* смерть [2, т. 2, с. 107] — лексичний варіант до «видима» смерть [2, т. 2, с. 387]; *годяща* дівка

[2, т. 2, с. 487] — працювита, кмітлива, хазяйновита; *гулящий* день [2, т. 2, с. 64] — вільний від роботи день; *завалища* книжка [2, т. 2, с. 13] — стара, непотрібна, забута і т. ін. Усі вони характеризують особу чи предмет за стійкими властивостями, не пов'язаними з часовими, становими чи видовими обмеженнями. За морфологічною будовою їх можна поділити на дві групи — прості і складні. До простих слід віднести такі, як *роботящий* [2, т. 1, с. 624], *трудящий* [2, т. 1, с. 624], а також з часткою-префіксом *не*: *невсипущий* [2, т. 2, с. 154], *непросипущий* [2, АСВ], *незапіющий* [2, АСВ], *неїмущий* [2, т. 2, с. 98] і под. Ці форми (з такими ж значеннями) зустрічаються і в говірній мові того часу, і розсипані майже по всіх творах Квітки, незалежно від їх тематики. Чимало їх буде збережено видатними поетами і прозаїками пізніших поколінь. Так у творах Шевченка зустрічаються форми *зцілющої* [3, с. 21], *живущої* [3, с. 261], *невсипуца* [3, с. 300, 500], *боляца* [3, с. 263, 341] та ін., у Марка Вовчка: *невсипуца* [4, с. 11], *роботяца* [4, с. 76].

Коло складних прикметників на *-щий*, утворених від активних дієприкметників та інших частин мови, обмежене формами *огнепалящий* [2, т. 2, с. 165], *новостроющий* [2, т. 2, с. 74], *предстоящий* [2, т. 2, с. 158], які зустрічаються тільки в «Конотопській відьмі» та оповіданні «Божі діти». Отже, форми на *-щий*, які переважають кількісно, функціонують у мові Квітки, як і в народній мові, здебільшого як прикметники. У значенні дієприкметників вони функціонують переважно в мові писаря, стилізованій під старослов'янську та канцелярську мову, і зрідка в інших текстах. Таким чином, сфера вживання активних дієприкметників на *-щий* у Квітки-Основа-в'яненка обмежена стилістично (вони в основному вживаються в повісті «Конотопська відьма» і «Козир-дівка»).

Форми ж на *-чий* у мові письменника мають значення дієприкметників, що обумовлюється їх семантикою, синтаксичними функціями і контекстом. Що ж до частоти їх уживання, то Квітка, порівняно з старою українською літературною мовою, дуже обмежив коло активних дієприкметників майже до рівня вживання їх у фольклорі, у творах Котляревського та Гулака-Артемовського. Він відмовляється від надмірної кількості форм на *-чий*, зафіксованих Памвом Бериндою, використаних у повній мірі Іваном Вишенським і Сковородою, позбавляється форм на *-чий (ся)*, *-щий (ся)*. Проте, порівняно з мовою Котляревського, який використовує лише форми *кип'ячий* [5, т. 1, с. 139] і *кип'ящий* [5, т. 1, с. 132], *умираючий* [5, т. 1, с. 22], *лежачий* [5, т. 1, с. 142, 286, 287] і стилізовані російські форми на *-щий*: *пускающий* [5, 262], *вдовствующую* [5, т. 2, с. 10] і *возникающую* [5, т. 2, с. 8], та з мовою своїх сучасників — Гулака-Артемовського і Євгена Гребінки — Квітка значно розширює коло вживання цих форм саме в напрямку спеціального стилістичного використання їх.

Якщо Котляревський висміював пана возного з «Наталки Полтавки» за допомогою російських форм на *-щий*, Квітка використо-

вуге здебільшого старі церковнослов'янські форми, перетворюючи їх на гостру зброю сатиричного викриття української козацької старшини кінця XVIII ст. З цією метою він уживає не тільки форми на *-иий*, а й на *-яй*, *-лий*, *-в(и)иий* у повних і коротких формах, у застарілих синтаксичних конструкціях. Лише зрідка письменник використовує форми на *-иий* у творах іншого характеру (у повісті «Маруся» чи в листуванні). В цілому ж у творенні і вживанні форм на *-чий*, *-иий* відчувається ще неусталеність, відсутність певних норм, що позначатиметься і на мові багатьох письменників XIX ст.

У такому ж плані, як і форми на *-чий*, *-иий* (і приблизно у такому ж співвідношенні та стилістичних межах), уживає Квітка й форми на *-лий*, *-(в)иий*, хоча загальна їх кількість менша (понад 30). Порівняно з Котляревським, він звужує коло форм на *-иий* і збільшує кількість форм на *-лий*, вибираючи їх з народної мови. Форми на *-лий* письменник утворює (як і в сучасній народній мові) від певного кола неперехідних дієслів на означення стану, які семантично наближаються до якісних прикметників, передаючи в основному стан предмета чи особи. Напр.: *замлілий* [2, т. 6, с. 676], *окам'янілий* [2, т. 2, с. 91], *погорілий* [2, т. 2, с. 424], *запеклий* [2, т. 2, с. 88] і под. Переважна більшість їх виконує функцію препозитивного невідокремленого означення, що мало б сприяти їх ад'єктивізації. Але значення дієвості підтримується в них префіксами *по-*, *за-*, *о-* та ін. Напр.: «знай поводить головою, що аж рипить на кістках, неначе хвіртка на *доржавілих* завісах» [2, т. 2, с. 110]. Лише в одному випадку форма на *-лий* виступає порівнянням у складі присудка: «Василь сидить, як *окам'янілий*, і не баче, і не чує нічого» [2, т. 2, с. 91] і один раз — у постпозитивному відокремленому звороті: «Там за Лопанню, зараз за річкою, де тепер хороші і великі хороми, там були озера, очеретом *порослі*, а геть далыш стояли панські будинки» [2, т. 2, с. 309]. Усі ці форми функціонують у мові Квітки як активні дієприкметники минулого часу, які за своїми значеннями дорівнюють російським літературним формам на *-(в)иий* або говірним на *-лый* (порівн.: *окам'янілий* — рос. *окаменевший* і розм. *окаменелый*). Субстантивною у мові Квітки, як і в народній мові, виступає лише форма *біглий* (утікач): «Ви передержуєте *біглих*?» [2, т. 2, с. 303], що виконує функцію прямого додатка.

Серед форм на *-иий* з боку їх семантики і стилістичного вживання виділяється одна група слів, утворених від загальноновживаної і зрідка згрубілої лексики: *замовкнуиий* [2, т. 1, с. 698], *застивиий* [2, т. 1, с. 662], *здохиий* [2, т. 2, с. 203], *погибиий* [2, т. 2, с. 451, 452], *(по-, у-) вмериий* [2, т. 1, с. 290, 662; т. 2, с. 92, 95 та ін.], *вмівиий* [2, т. 2, с. 78], *опоганівиий* [2, т. 2, с. 159], *учинивиий* [2, т. 2, с. 262] і т. п. Серед них є й форми на *-ся*: *зібравиийся* [2, т. 2, с. 160], *запекиийся* [2, т. 1, с. 662]. Вони зустрічаються у творах різної тематики як у мові персонажів, так і в мові автора.

Друга група цих форм (кількісно менша) зустрічається лише у текстах, стилізованих під старослов'янську й канцелярську мову, здебільшого у мові писаря («Конотопська відьма»), напр.: *мимошедшую седмицу* [2, т. 2, с. 159], *минувшого дня* [2, т. 2, с. 159], *похитившая* козака [2, т. 2, с. 168] та ін. або судді («Козир-лівка»): *мимошедший* п'яток [2, т. 2, с. 280].

Синтаксичні функції форм на *-ший*, як і сфера їх уживання, різноманітніші за функції форм на *-лий*. У реченні вони виконують роль пре- і постпозитивного (відокремленого) означення: «на лишень оцю жабу та й скрути їй головку набік, і ще живу, не *здохшу* укинь мерщій у піч за жар» [2, т. 2, с. 203] — у мові відьми («Конотопська відьма»). «Хто у болісти промочить нам *запекший* язик?» [2, т. 2, с. 88] — у мові батька Марусі («Маруся»). Мова закоханої Галочки («Щира любов»), що за лексикою та інтонаційним малюнком нагадує народну пісню, пересипана такими парами, як *запекшийся* уста, *померкший* оченьки, *застигшая* рука [2, т. 1, с. 662; т. 2, с. 331], де дієприкметник на *-ший*, як і в народній поезії, вжито в повній формі. Такі дієприкметники частіше за форми на *-лий* виступають у мові письменника в складі відокремленого постпозитивного звороту. Напр., у ремарках: «Чути поштовий дзвоник, *замовкнувший* біля вікна» [2, т. 1, с. 698] або в мові писаря: «Да не помянеться к тому треклятая хворостина, преломлением своїм *похитившая* було единого козака» [2, т. 2, с. 168].

У двох випадках дієприкметник на *-ший* виступає складовою частиною присудка: «Будучи у ревізії, Матвій Міняйлов показан *біжавшим* з синами, у числі коїх іміється і Михихвор» [2, т. 1, с. 247, 284], «покажемо мене *вмершим*» [2, т. 1, с. 247]. Слід зазначити, що форми *вмерший* та *учинивший* Квітка частіше вживає у функції долатка: «тут о постижно *вмершому* розмовляють» [2, т. 2, с. 274], «А що ж, пане голова, з *учинившаго* проізшествие треба-нада зняти доношение, чи... тее-то.. допрос» [2, т. 2, с. 262]. Проте дієвість їх підтримується залежними від них словами. Усі форми на *-ший* у творах письменника функціонують як дієприкметники минулого часу, доконаного виду. По відношенню до моменту мовлення вони мають перфектне значення, а по відношенню до дії присудка, коли з ним співвідносяться, здебільшого вказують на дію, передуючу дії присудка.

Заслугою Квітки-Основ'яненка, на наш погляд, є те, що він зумів помітити і відбити загальну тенденцію в розвитку цих форм у новій українській літературній мові — зменшення кількості форм на *-ший* і збільшення форм на *-лий* та розширення їх синтаксичних функцій. Цей процес яскраво відбився (і певним чином був унормований) у поетичних творах основоположника нової української літературної мови Т. Г. Шевченка [6, с. 116] та інших письменників до- і пожовтневого періоду. Так, орієнтуючись на тогочасну мову українського народу, Квітка-Основ'яненко обережно відбирав з книжної мови в основному тільки ті дієприкметникові форми, що були зрозумілими для широких верств читачів,

побутували в мові народу і допомагали йому влучніше характеризувати різні верстви українського суспільства кінця XVIII ст. У тих погсякденних пошуках дієприкметникових форм, близьких і зрозумілих для народу, пропорцій їх уживання і засобів творення в залежності від їх стилістичного використання Г. Ф. Квітка-Основ'яненко закладав підвалини сучасних норм творення та вживання активних дієприкметників [7, с. 24—26].

Список літератури: 1. Равлюк М. Дієприкметники і дієприслівники в українській мові, ч. 1.— Кіцмань, 1912.— 27 с. 2. Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Тв. в 6-ти т.— К.: Держлітвидав, 1956. 3. Шевченко Т. Г. Кобзар.— К.: Рад. школа, 1954.— 675 с. 4. Марко Вовчок. Тв. в 6-ти т., т. 1.— К.: Держлітвидав, 1955.— 398 с. 5. Котляревський І. П. Повне збір. тв. у 2-х т.— К.: Вид-во АН УРСР, 1952. 6. Русанівський В. М. Дієприкметник у поезії Т. Г. Шевченка.— У кн.: Джерела мовної майстерності Т. Г. Шевченка.— К.: Вид-во АН УРСР, 1964, с. 116—129. 7. Гнатюк Г. М. Синтаксичні функції дієприкметників у сучасній українській літературній мові.— Мовознавство, 1980, № 4, с. 18—27.

Надійшла до редколегії 05.12.80.

В. Д. УЖЧЕНКО

ТВОРЕННЯ СЛІВ НА БАЗІ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ

Як би не розглядати фразеологію — чи як окремий рівень [6, с. 90], чи як єдину лексико-фразеологічну систему [20, с. 300], чи як проміжний рівень в ієрархічній організації мовних явищ [15, с. 270], чи визнавати міжрівневе положення фразеологічної системи [8, с. 12], спостереження над процесом творення слів на базі фразеологічних одиниць (ФО) допомагає простежити за конкретними проявами взаємодії слів і фразеологізмів, виявити специфіку дериватів, глибше пізнати шляхи збагачування складу мови і саму структурно-семантичну природу ФО. «Розгляд мови як системи,— зауважує І. І. Чернишова,— зробив проблему взаємозв'язку і взаємообумовленості всіх його елементів, у тому числі лексики і фразеології, особливо актуальною» [19, с. 138].

Ще в записках лекцій про байку, прислів'я та приповідку О. О. Потебня вказував на тісний зв'язок між окремим словом і прислів'ям (приповідкою), ширше — байкою і навіть драмою, епосеєю, романом. «Різниця полягатиме тільки в ступені складності...» [9, с. 83]. Прислів'я, приказка і слова можуть виникати з ширших поетичних жанрів унаслідок «стиснення», «скорочення», «згущення думки». Потебня писав, що «скорочення чи згущення прислів'їв приводить нас до окремих висловів: «на руку», «по нутру», «в тупик» або до одного слова — «здуру», «везе» [9, с. 83]. Аналізуючи ланцюг: казка — прислів'я («дураку щастя везе») — слово («везе») — О. О. Потебня вказував не тільки на структурно-генетичний, а й образно-поетичний, мотивуючи зв'язок слова з ширшими

висловами (жанрами). Грунтуючись на цьому, він і окремі слова («везе») теж розглядав як поетичний твір.

Процес творення слів на базі ФО, а в ряді випадків і ізоморфність процесів словотворення, фразеотворення і творення слів на базі ФО, певною мірою визначався в останній час на матеріалі різних мов, зокрема афганської (Ганієв А.), польської (Гюлумянц К. М.), болгарської (Георгієва Є.), російської (Кочетков А. К., Николенко Л. В., Тузова М. Ф. та ін.) [11, с. 250—251]. Аналізуючи цей процес, М. М. Шанський звертає увагу на дві обставини: на основі якого фразеологізму чи його компонента утворюється слово і за допомогою якого способу. Великою мірою за аналогією до способів словотворення автор визначає також і різновиди слів, утворених на базі ФО: слова, що з'явилися внаслідок опущення деяких компонентів ФО; слова, що виникли в результаті злиття компонентів; слова, утворені за допомогою того чи іншого морфологічного способу словотворення (див.: 21, с. 121]. Актуальними видаються і такі аспекти питання, як стилістична співвіднесеність ФО і слова-деривата, семантико-стилістичні зміни слів у процесі їх становлення і подальшого функціонування, «словотворча» практика майстрів слова і їх роль у збагачуванні лексичного складу мови.

Найбільш специфічним способом словотворення на базі ФО можна назвати вичленування якого-небудь компонента із складу ФО внаслідок стискування словосполучення, внаслідок «згущення думки» (О. О. Потебня), коли слово «сприймає смислову функцію цілої ідіоми ... Так, слово *вийти* (за кого-небудь) — про жінку в значенні «стати дружиною кого-небудь» — виникло, звичайно, із ідіоми *вийти заміж*. Це еліптичне стискування, — писав В. В. Виноградов, — викликане тавтологічною надлишковістю прислівника *заміж* при точному позначенні чоловіка» [4, с. 123]. Подібний процес, коли один із компонентів ФО розвиває значення всього фразеологізму, О. М. Бабкін називає семантичним намагнічуванням [2, с. 54]. До таких слів належать, зокрема, слова *зводити* (зводити з розуму), *прочухан* (дати прочухана), *збрести* (збрести в голову, збрести на думку і т. ін.). Наприклад, у текстах художніх творів: «Сам устриє, *зведе* дівчину, — сам потім і насміхається...» (Панас Мирний. Хіба ревуть воли, як ясла повні?); «Звів Магазиник поденщицю, яка працювала в його лісах, а коли в неї під серцем забилося життя, погнав до знахарки» (М. Стельмах. Чотири броди); «Затримали плавку — сталеварові *прочухан*, несправний інструмент — обер-майстрові» (В. Попов. І це називається будням...); «І хоча порівняння місяця з дідом надто довільне, однаке Данило посміхається своїй думці: і *збрече* ж таке!» (М. Стельмах. Чотири броди).

На активний процес виникнення нових значень слів у публіцистичному стилі, коли ці слова набувають здатності вживатися самостійно, без семантичного доповнення, вказує О. С. Терещенко. Так, «перебувають у стані загальномовної стабілізації нові зна-

чення слів *розрядка*, *невтручання* (внаслідок семантико-синтаксичного стягнення стійких сполучень *розрядка міжнародної напруженості*, *невтручання у справи інших держав*), а також — врегулювання, співробітництво, конфронтація та ін. [16, с. 76—77]. Вичленуватись можуть як слова семантично і стилістично марковані чи одиничного вживання в межах тієї чи іншої фразеологічної одиниці (історизми, лексичні архаїзми, детермінанти і под.) типу *агнець*, *перен.*, ірон. «Про покірливу, лагідну, сумирну людину» (непорочний агнець), *ляси*, розм. «Беззмістовні пусті розмови; теревені» (ляси точити), *наріжний*, *перен.* книжн. «Незвичайно важливий, істотний, основний» (наріжний камінь, так і омоніми до слів з широкою валентністю, до стилістично нейтральних типу *вправляти* (вправляти мозок кому-небудь), *пор.* нейтральні *вправляти руку*, *ногу* і под., *зводити* (зводити з розуму). Новоутворені слова входять до лексичної системи в основному з тим же стилістичним забарвленням, що й базові ФО, зберігаючи переважно, крім певної тотожності семантики (і в цьому вони значно ближчі до ФО, ніж звичайні синоніми), також переносність значення. Про це свідчать словникові позначки та спостереження над уживанням їх у тексті. На базі розмовних ФО *доїти як корову*, *городити теревені* (небилиці, дурниці і т. ін.), *ворон (гав) ловити*, *збивати (збити) спантелику* постали розмовні дієслова *доїти*, *перен.*, розм. — «необмежено користуватися чийми-небудь матеріальними засобами; здобувати від кого-небудь матеріальну допомогу»; *городити*, *перен.*, розм. — «говорити дурниці, нісенітниці і т. ін.», а також *прозоронити*, *зворонити*, *прогавити*, *спантеличувати*, *спантеличити*, *спантеличуватися* (усноровмовні слова, утворені вичленуванням з використанням афіксації).

Книжний фразеологізм *наріжний камінь* був дериваційною базою для другого значення слова *наріжний*, що фіксується в сумі як переносне, книжне [14, V, с. 171], *пор.:* *наріжні принципи*, *питання*, *положення*, *факти*, *ідеї*, *почуття* і под. — «важливі, основні».

Одце слова, інтегруючись у межах стійких словосполучень і кристалізуючи при цьому загальне значення ФО, можуть вилучатися із складу останньої із значенням, що генерує семантику ФО і наслідую експресивно-стилістичну природу. Проте функціонування такого слова в мовленні, розширення його валентності з часом змінює стилістичну характеристику, як правило, в бік зниження. Переносне значення розмовного слова *кит* — «про особу, яка відіграє дуже важливу роль у якій-небудь галузі, сфері діяльності» [14, IV, с. 155] підказане книжною ФО *три кита*, а розмовна ФО *з'їсти собаку у чому, на чому* породила лексику *насобачитися*, що кваліфікується як фамільярне.

Слова типу *здибатися*, *байдикувати*, які, відокремившись увібрали в себе значення ФО і при цьому використали афіксацію, Р. М. Попов виділяє в окремий спосіб — «вичленування окремих компонентів фразеологізму, ускладнене афіксацією [8, с. 166]. Нам

здається, що це явище можна інтерпретувати і як спосіб вичленування з використанням афіксації (щоб утворити, треба вичленувати), і як різновид способу вичленування (такого погляду ми і дотримуюся), і як афіксальний (вичленувавши, використати при творенні афікси).

Деривати, що постали внаслідок вичленування (чистого чи ускладненого афіксацією), найчастіше поповнюють дієслівну систему, причому творитися вони можуть на основі як дієслівного компонента, так і іменного: *змотуватися* < змотувати вудки, *надутися* < надути губи, *копати* < копати яму на кого, *піднесло* < піднесла лиха година, *позакладало* < позакладало вуха, *гарбузувати* < дати (піднести) гарбуза кому. Зрідка можна вказати і на двонаправлене творення слів на базі ФО. Так, кожний з компонентів ФО *авілонське стовпотворіння* став твірним для слів *стовпотворіння* і *авілон*, що однаковою мірою передають значення всього вислову: «На великому шляху Львів — Ужгород ціле *стовпотворіння*. Весь шлях забитий автомашинами» (С. Чорнобровець. Визволена земля). «Дали на ознайомлення пуд сценаріїв, дали час на роздуми, і ось ми з Сергієм забрались сюди, якнайдалі від студійного *авілону*» (О. Гончар. Циклон) [див. 5, с. 32—33]. Значно менше з'являється слів, утворених шляхом зрощення компонентів ФО. При цьому звертають на себе увагу різні семантичні фактори, що відіграють певну роль на різних етапах лексикалізації стійких сполучень. Так, з двох евфемістичних найменувань 'яниці, зафіксованих словником Номиса: *не-минай-корчма*, *не-пролий-капля* [18, № 11694] — в усному мовленні збереглися обидві лексикалізовані назви — *Немийнайкорчма*, *Нерозлийкапля* [17, с. 504]. Проте відомішою є перша назва, що фіксується і в словниках [13, т. 2, с. 551—425]¹, і вживається в художніх текстах з відчутним живомовним струменем: «Він грав на своїх сопілках, Варфоломей, а що було ранувато і старий ще не встиг надудлитись горілочки, то й грав у такому нестримному захваті, наче співала це душа народу, потім кидав сопілку на купу таких самих, і, поки був тверезий, цей *неминайкорчма*, балакав з охочими слухачами» (О. Ільченко. Козацькому роду нема переводу, або ж Мамай і Чужа Молодиця)². Якщо слово *неминайкорчма*, а особливо *нерозлийкапля*, виходить з активного вжитку, то розмовне слово *нерозлийвода* має широку художню пресу, хоч написання також відбиває вагання у визначенні ступеня його лексикалізації: «Хлопці були дружні... Про них так і казали на заводі: *Не розлий вода*» (М. Білкун. Культурний відпочинок); «До того вони нерозлучні, ці двоє дівчат, просто *нерозлийвода*!..» (О. Копиленко. Подарунок); «І вже

¹ Характерна подача цього виразу у різних місцях другого тому словника Б. Грінченка (з посиланням на Номиса): *Не минай корчма* (с. 425) і *Не-минай-корчма* (с. 551); цей факт може відбивати вагання у визначенні ступеня лексикалізації даної одиниці. Виразу *Не-пролий-капля* словник Грінченка не фіксує.

² Пор. також імена деяких персонажів цього твору, утворених на основі ФО: Данило Пришийкобильхвіст, Пилип-з-Конопель.

коли Положай наважився покликати німого на спільне купання, то це мало розцінюватися, як найвищий доказ чоловічої дружби, що так і зветься: *нерозлийвода*) (П. Загребельний. Переходимо до любові); «Тільки став він головувати, Варя з Кузьмою помирилися. Тепер вони *нерозлийвода* — куди голка, туди й нитка» (Я. Гримайло. Незакінчений роман.). Треба думати, що в семантичному переосмисленні ФО *не розлий вода* (відповідно слово *нерозлийвода*) зіграла роль енантісемія, пор. у Панаса Мирного: «Онисько собі не дякує. Не раз і за чуба бралися. Якби люди не *розлили*, то, може б, обидва без голови осталися на батьківськiм добрі («Хіба ревуть воли, як ясла повні?..»). При витворенні слова *достогибелі*, яке вживає, наприклад, М. Стельмах: «Ще вдосвіта Ступач забив на цвяги двері вітряка, і тепер мельник має *достогибелі* нудного й непевного часу» («Чотири броди») — зрощення супроводжувалося усіченням компонентів твірної бази слова *достобіса* і виразу *до гибелі*, отже, контамінувалися одиниці двох різних систем — лексичної і фразеологічної. Зрідка вживане застаріле слово *оковита* «горілка» постало в уснорозмовному мовленні внаслідок так званої народної етимології (лат. *aque vite*). Зрощенням у поєднанні з афіксацією утворені слова *нісенітниця* (ні се ні те), *осточортіти* (пор.: як сто чортів), *остобісіти*. З-посеред інших способів творення слів на базі фразеологічного звороту виділяється складання з афіксацією: *пустопорожній* < переливати з пустого порожне; *головоломний* < голову ламати; *гаволов* < гави ловити; *злободенний* < злоба дня; а також *лежебок*, *криводушний*, *живоїд*, *щиросердний* тощо.

Особливо численні лексичні утворення різних частин мови, у тому числі й похідні від них, що постали на основі ФО *замилувати очі* (око), *скалити зуби* (зуби скалити), *окозамилування*, *окозамилувальний*, *окозамилувацький*, *окозамилувач*, *окозамилувачка*; *скалозубити*, *скалозуб*, *скали зуб*; з іншим порядком компонентів: *зубоскалити*, *зубоскал*, *зубоскалка*, *зубоскальство*. Шляхом розширення валентності фразеологічно опорне слово може набути нового значення. Так, слово *медовий* (медовий місяць), збільшуючи свої фразеологічні зв'язки в напрямку семи «період, час, пора», набуває значення «найкращий»: «Хлопці саме переживали свої *медові три дні*, три дні розгульної волі...» (О. Гончар. Прাপорносці); «...*медові ночі* пропливли в Байроїті, де навіть гелготання гусей нагадує солодкі звуки «Леонгріна» (Я. Галан. Таланті «третьої імперії»); пор. також *медовий період* (О. Гончар. Прাপорносці). Подібне розширення зв'язків певного компонента може привести до повного вичленування його із складу ФО і, намагнічений значенням усього виразу, він може набути самостійного вживання, пор., наприклад, семантичну структуру слова *наріжний* (наріжний камінь), проаналізовану в роботах О. М. Бабкіна [2, с. 54—58] і Л. Г. Скрипник [12, с. 191].

Наведені раніше слова-derivати переважно інвентаризовані різними тлумачними словниками, пареміологічними збірниками

і різною мірою вживані в усному мовленні і в мові художньо-публіцистичних творів. Проте значна частина слів-новотворів сприймається або як позанормативна, що не стала надбанням літературної мови, не фіксується словниками, хоч різною мірою і вживана в усному мовленні, у художньо-публіцистичних творах, або сприймається як виразно індивідуальна, ситуативна, навіть okazіональна. Л. Г. Скрипник вказує на слова *зарожевлений* і *об'ярикований* (з творів О. Гончара), утворених на основі ФО *показувати* (*бачити*) у *рожевому світлі* та *чіпляти* (*начіплювати*) *ярики* [12, с. 190]. Цікаво, що слово *небокопнитель* (з посиланням на О. Білецького) попало навіть до збірки крилатих виразів [5, с. 189], хоч загально-мовні нормативні словники утримуються від його фіксації. Часто вживані також в усному мовленні слова *клювати* «дрімати» (*клювати носом*), *вправляти* «повчати, лаяти» (*вправляти мозок*). Подібні утворення з усно-жаргонного мовлення проникають і в художні тексти: «...Ви знаєте, для нього пропаший той день, як він комусь не залле сала за шкуру. Ой Гордію, Гордію... *Помилять* тебе колись на тверду руку та попарять сухим віником, гляди!» (П. Оровецький. Друга зустріч); «...Ми тобі з народного контролю» писали — не слухав! На бюро тебе *пісочили* — не допомогло!» (М. Білкун. Операція «Ерітема»); «*Зарубай* собі мій адресок (В. Кучер. Чорноморці). Названі слова співвідносні з ФО: *намилити шию кому*, *протирати* (*протерти*) *з пісочком*, *зарубати на носі*.

Як зразок авторського словотворення на базі ФО відзначимо мовнохудожню практику М. Стельмаха у романі «Чотири бродяги». Його новотвори виявляють досить прозорий зв'язок з ФО, і, порівняно з вищенаведеними, стоять ближче до нормативних: «—От спасибі, Стьопочко, що ти прийшов підпирати наші ворота, бо мій *сушиголов* ніяк не знайде часу облагодитися»; «—Оце ж запасливі жінки щось таки мають у господі, а в моєї завжди по хаті ненаситне помело підмітає добро.. Ось і зараз: хоч би той дрібок солі був. А як без неї проживеш? То й послала моя *безклепка* до міста»; «Напровесні Данило почув, що Магазаник по *шкуродерних* цінах продає хліб, зразу ж скипів ненавистю до гендляря й вирішив знайти його кріівку»; «—Шевче-*шкіродавче*, скільки за шкапові просиш?»; «І собі нічогенька, і очі *христововоскресні* має, і куделиця, мов ранній підбіл, золотиться, тільки лихомовство позичала у відьмухи».

Значна частина слів-новотворів спричинена функціональними потребами стисло, економно, відсвіжено подати зображуване. Такі одиниці мають всі ознаки okazіонального слова: приналежність до мовлення, невідтворюваність, словотвірну похідність, ненормативність, функціональну одноразовість, експресивність, номінативну факультативність, синхронно-діахронічну дифузність, індивідуальну приналежність [див.: 7, с. 11]. Характерні з цього погляду поетичні новотвори, обумовлені як системою мови, так і функціональними потребами, особливо останніми: *дзвін-дорога* (М. Братан), *пор. дорога*, як *дзвін*; *чорно-золотий*, *відплата-сториця* (П. Усенко)

чорне золото; відплатити сторицею; *Червоношапочка* (П. Тичина) Червона Шапочка; *хатка-куролапка* В. (Бичко) хатка на курячих лапках [див.: 10, с. 158—159].

Таким чином, тісна взаємодія між лексикою і фразеологією виявляється насамперед у структурно-генетичному плані: «лексика постачає фразеологію реальним матеріалом, фразеологія ж, у свою чергу, є одним із ресурсів словотвору (фразеологічного словотвору)» [1, с. 7]. Якщо до фразеології, а від неї до слова, йти від структурно ширших одиниць (О. О. Потебня), то можна перекоонатися, що кожен структурно-складніший рівень (система) передає у спадок одиницям структурно нижчого рівня (системи) семантику, мотивування, стилістичне забарвлення. Абсолютна перевага уснорозмовних ФО у мові спричинює і появу стилістично розмовного забарвлення, що утворюються трьома основними способами: чистим чи ускладненим, афіксацією, вичленуванням компонентів ФО, зрощенням і складанням з афіксацією. Між лексичною і фразеологічною системами відбувається постійне переміщення. «То відома одиниця мови збільшується за рахунок другої, то, навпаки, відома одиниця втрачає відому частину свого складу на користь другої» [3, 387]. Уснорозмовне і уснопоетичне мовлення, художня практика майстрів слова і публіцистика — ось ті джерела лексем-дериватів, ті сфери функціонування, де апробуються слова, витворювані на базі ФО.

Список літератури: 1. Авлиани Ю. Ю. К взаимодействию лексики и фразеологии. — В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. М.: 1-ый Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца, 1967, с. 6—9. 2. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. — Л.: Наука, 1970. — 263 с. 3. Бодуен де Куртене И. А. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодужа его наблюдения явлений языка. — В кн.: Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высш. школа, 1973, с. 386—388. 4. Виноградов В. В. Современный русский язык (Введение в грамматическое учение о слове), вып. 1. — М., 1938. — 304 с. 5. Коваль А. П., Коптилов В. В. Крилаті вислови в українській літературній мові. — К.: Вища школа, Вид-во при Київ. ун-ті, 1975. — 335 с. 6. Кунин А. В. Фразеологический уровень языка. — В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. М.: 1-ый Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца, 1960, с. 89—93. 7. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). — М.: Высш. школа, 1976. — 120 с. 8. Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. — М.: Высш. школа, 1976. — 200 с. 9. Потебня О. О. З лекцій теорії словесності: Байка. Прислів'я. Приповідка, 4-е вид. (1-е укр. мовою). — Х.: ДВУ, 1930. — 109 с. 10. Принцевский Г. Т. Авторські новотвори в українському поетичному мовленні. — У кн.: Проблеми словообразования русского и украинского языков. Київ — Донецьк, 1976, с. 150—165. 11. Ройзензон Л. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии, вып. 2. — Труды Самаркандс. гос. ун-та им. А. Навои, 186. — Самарканд, 1970, с. 250—251. 12. Скрипник Л. Г. Фразеологія української мови. — К.: Наук. думка, 1973. — 280 с. 13. Словарь української мови, у 4-х т.: Зібрала редакція журналу «Київська старина» / Упорядкував, з додатком власного матеріалу Б. Грінченко. — К., 1907—1909. 14. Словник української мови, в 11-и т. — К.: Наук. думка, 1970—1980. 15. Слюсарева Н. А. О некоторых проблемах иерархической организации языка. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1953, с. 269—

273. 16. Терещенко О. С. Один із способів виникнення нового значення в слові.— Укр. мова і літ. в школі, 1979, № 8, с. 75—77. 17. Українські народні прислів'я та приказки: Дожовтневий період.— К.: Держлітвидав, 1963—504 с. 18. Українські приказки, прислів'я і таке інше / Спорудив М. Номис.— Спб., 1864.— 304 с. 19. Чернышова И. И. Фразеология современного немецкого языка.— М.: Высш. школа, 1970.— 200 с. 20. Шанский Н. М. Дери́вация слов и фразеологических оборотов.— В кн.: Русское и славянское языкознание. М.: Наука, 1963, с. 300—308. 21. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка.— М.: Высш. школа, 1969.— 156 с.

Надійшла до редколегії 07.09.80.

Л. КАБАЛЬЕРО ДИАС

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Синхронно-сопоставительные, или контрастивные, исследования относятся к широкой области характерологического описания языков. По отношению к типологическим и сопоставительно-переводческим исследованиям они занимают промежуточное положение, что определяет их роль как источника такой информации, которая может обобщаться в типологии и еще более конкретизироваться в переводческом сопоставлении.

При переходе от типологии через сопоставительно-характерологические исследования к переводческому сопоставлению наблюдается процесс конкретизации и увеличения информации о конкретных фактах языков с одновременным уменьшением числа привлекаемых языков. Обратное движение — от сопоставительно-переводческих исследований к типологии — обнаруживает сужение информации о конкретных языковых фактах за счет постепенного роста информации о высоких уровнях языковой абстракции и увеличения числа привлекаемых языков. В самом деле, «типологические, синхронно-сопоставительные и сопоставительно-переводческие исследования составляют определенную иерархию... Так, установление текстуральных межязыковых соответствий подводит нас к выделению общих соотносительных средств на уровне нормы, соотносительность же рассматривается в настоящее время на фоне и с учетом системных, структурно-типологических соответствий» [1, с. 7].

Тот факт, что сопоставительную лингвистику стали в последнее время рассматривать в рамках сопоставительной (сравнительной) типологии [2], говорит о взаимодействии, смежности и определенных сходствах этих областей знаний. Их относительная самостоятельность, однако, доказывается не только спецификой уровней или аспектов изучаемого объекта и различием задач научного исследования, но и также, — что, на наш взгляд, не менее важно, — характером и практической ценностью получаемой информации, которая в сопоставительно-переводческих работах связана с областью перевода и межязыковой эквивалентности, в типологии «в собственном смысле» поднимается теоретической задаче описания языка вообще и создания типологической классификации всех или большего числа языков мира [3, с. 37], а в контрастивных исследованиях направлена на решение многочисленных теоретических и практических проблем, а прежде всего на создание новых основ для развития характерологии, а также теории и практики перевода, методики преподавания иностранных языков и двуязычной лексикографии.

Синхронное сопоставление как общий прием обработки информации о языках не исчерпывает себя в характерологии, а продолжает развиваться в других дисциплинах. В машинном переводе оно связано с составлением лингвистических алгоритмов. «Лингвистический алгоритм МП должен строиться как система бинарных соответствий, выполненная с помощью методов сопоставительной (контрастивной) грамматики при условии детализации и экспликации. Это значит, что каждому «микроэлементу» и каждой «микро-связи» входного языка должны быть поставлены в прямое соответствие одна

или несколько единиц и связей выходного языка без обращения к ответственному языку-посреднику» [4, с. 78].

В методике преподавания иностранных языков сопоставление рассматривается с позиций психолингвистики и связано с определенной иерархией навыков и умений, прививаемых с учетом родного языка. Итак, в каждой области использование приема сопоставления подчиняется целям той отрасли науки, которой он служит. Несмотря на широкую сферу применения приема сопоставления представляется достаточно обоснованным на данном этапе развития лингвистической науки выделения собственно контрастивного (сопоставительного) изучения двух языков под условным названием контрастивной лингвистики. Этот термин, хотя и не является новым, все еще не пользуется достаточной авторитетностью.

Все ученые более или менее едины в том, что сопоставление охватывает не только различия, но и сходства языков. При этом в контрастивной лингвистике возможны два различных, хотя и взаимодействующих подхода: семасиологический — от средств выражения к их содержанию, т. е., в частности, от лексики, сочетаний лексем и высказываний, функционирующих в различных ситуациях человеческого общения (примером могут служить исследования В. Г. Гака на материале французского и русского языков см. прежде всего 5) и ономасиологический — от значений к средствам их выражения, еще не получивший подробной разработки применительно к какой-либо паре языков. Если в контрастивных исследованиях семасиологического типа основой для рассмотрения языковых соответствий служат материалы описательной и структурной лингвистики, то для контрастивных разработок ономасиологического типа такой базой может явиться теория номинации.

Контрастивное описание двух языков в любом своем варианте ставит своей конечной задачей выявление соотносительных средств различных планов — выражения, содержания и функционирования — двух языков. Однако при ономасиологическом подходе именно задачам выражения одинаковых смыслов и понятийных категорий подчиняется отбор единиц плана выражения в сопоставляемых языках. «С точки зрения номинации, слово начинает обозначать что-то в рамках осмысленных коммуникативных единиц, предложений (высказываний). Акт обозначения поэтому не принадлежит, собственно, словарю, и он не образуется из суммы употребления слов в высказываниях» [6, с. 121]. Сопоставительному изучению могут подвергаться все основные виды номинации — «номинация через слово и словосочетание», «номинация через предложение» и «номинация через текст» [6, с. 121], но последний вид номинации чаще всего изучается в рамках сопоставительно-переводческих исследований, что опять-таки отвечает нуждам осмысления переводческой деятельности. Следовательно, непосредственным объектом сопоставительной ономасиологии в контрастивной лингвистике можно считать явления номинации через слово и словосочетание и номинацию через предложение (высказывание) в двух или более языках.

Семасиологическое и ономасиологическое сопоставления двух языков следует рассматривать как взаимодействующие подходы к языку, дополняющие друг друга на основании не только разнонаправленности исследования, но и выбора различных существенных или релевантных характеристик языков. Ономасиологический подход, например, безразличен к выявлению уровня статуса языковых средств. Для него существенны лишь способы выражения значений, понятий, смыслов. Здесь выбор участка двух языков, который подлежит контрастивному описанию, может быть задан некоторым понятием или целой понятийной категорией, для которых подбираются языковые средства их воплощения. В таком случае выделенные и соотносимые участки могут быть контрастивно описаны с помощью разработанной в советском языкознании концепции «грамматико-лексических», или «функционально-семантических полей» [7].

При этом следует определить наш подход к понятию поля, столь широко используемому в современном языкознании. Понятие поля со времени своего

возникновения во многом связано с экстралингвистическим подходом к языку. В качестве ведущих критериев для отбора языковых средств, подлежащих описанию, нередко выступали логические понятия. Описание понятийных, ассоциативных и других полей привело к интересным открытиям в парадигматике лексических подсистем языков. Однако, в самой идее поля и полевого подхода не содержались ограничения какого-либо порядка, что давало возможность для дальнейшего распространения полевого подхода на изучение синтагматики и функционирования языков. Выделение внутри поля ядра и периферии, что является характерной чертой полевого подхода, способствует широкому его применению к группировкам языковых средств, в которых ощущается кроме связи с общей мыслительной категорией некоторая градация семантических функций, описывающих данное смысловое отношение. С другой стороны, попытки ограничить понятие поля явлениями одного общего уровня приводят к его полному отождествлению с другими понятиями современной лингвистики, и чаще всего с системой (структурой) или какими-то подсистемами языка. Между тем очевидна важность взаимодействия разных уровней, которые при выражении тождественных смыслов нуждаются в глубоком изучении и применении достаточно гибкой системы исследовательских приемов.

Возникновение понятия грамматико-лексического поля (в работе Е. В. Гулыги и Е. И. Шенделс), или функционально-семантического поля (в работах А. В. Бондарко), явились закономерным отражением стремления к расширению области применения полевых исследований. Поле начинает рассматриваться как система особого рода, как совокупность взаимодействующих средств различных уровней языка. А. В. Бондарко различает «...поле как особый тип системы-группировки, связей и взаимодействия различных элементов в самой языковой действительности, т. е. поле как объективную данность» и «...принцип поля, т. е. подход к фактам языка с точки зрения теории поля как отражения этой объективной данности в приемах лингвистического анализа» [8, с. 205].

Разграничение объекта и его научного отражения является принципиально правильным подходом с точки зрения методологии лингвистической теории. Однако объект, а в данном случае функционально-семантическое поле как объективная данность, относится скорее к плану функционирования языка, чем к его системе, а системно-структурные связи и взаимодействия, объективно существуя в плане функционирования языка, отражаются при полевым подходе функционально-семантического характера, выходящем от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Полевой подход к функционально-семантической категории может быть определен как научное стремление «отражать в миниатюре сложную организацию функционального плана языка» [8, с. 79], а само функционально-семантическое поле представляется объективно существующим ограниченным участком функционирования языка, выделенным на основании понятийной, мыслительной категории. Подобное поле отражает язык в динамике потенциального и реализованного, показывая творческое, систематизирующее и нормативное воздействие на язык коллектива его носителей. При этом «нормативные явления всех уровней могут рассматриваться как иерархия ограничений, последовательно налаженных на открытые возможности системы, как набор фильтров, находящихся между системой и текстом» [9].

Понимание функционально-семантического поля как участка плана функционирования языка является достаточным основанием для разграничения функционально-семантического и понятийного подходов к описанию языка. Понятийный подход принимает во внимание отражение и преломление понятий в многочисленных значениях, закрепленных в словах и описанных в словарях и грамматиках. С его помощью возможно логически упорядочить инвентари слов и форм языков. Описание понятийного и связанного с ним языкового семантического (не функционального), поля завершается созданием логико-лингвистической картины отношений между выделенным логическим исчислением или эмпирическим путем понятием и его реализа-

цией. Так создаются словари-тезаурусы. Функционально-семантический подход обычно начинается там, где завершается исследование логико-лингвистического типа, уточняет и существенно дополняет его на основании учета всей сложности организации плана функционирования языка.

Ономасиологический подход, примат значений над средствами их выражения и охват миниатюрного участка функционирования языка, являющиеся характерными чертами полевых функционально-семантических исследований, говорят о пользе понятия функционально-семантического поля для контрастивной лингвистики и о необходимости разработать их сопоставления. Но выполнение такой задачи мыслится только как постепенное приближение в результате выделения, изучения и упорядочивания функционально-семантических категорий и способов их существования в различных языках. Иллюстрацией к сказанному может быть проблема выделения микрополя неопределенно большого количества на материале русского и испанского языков.

Категории количества и его проявлению в языковых значениях посвящен уже целый ряд исследований, особенно на материале русского и английского языков. Философы давно подошли к определению количества через понятие величины и множества, что восходит к Аристотелю: «...количество есть множество, если его можно счесть, это величина, если его можно измерить» [10, с. 14].

Разграничению множества и величины в логике соответствует в структуре языка оппозиция непрерывного (дискретного) и непрерывного (недискретного) количества. Однако логическое исчисление или индуктивное определение структурных оппозиций не тождественно построению функционально-семантического поля, а предшествует ему или совмещается с ним.

В настоящее время в языковом (семантическом) поле количества, выделенном на основе понятийного подхода, рассматриваются и упорядочиваются различные языковые средства, выражающие понятия величины, множества, мощности величины и мощности множества [11, с. 6]. Эти средства образуют семантические микрополя билатеральных знаков, в каждом из которых выделяются ядро и периферия и тем самым устанавливается иерархия, св. йственная языковой структуре.

Функционально-семантическое поле неопределенно большого количества возникает в зоне пересечения категории индетерминации (неопределенности) и категории количества. Дело в том, что логические категории выступают в процессе номинации не изолированно, а во взаимодействии с другими категориями в целях описания нерасчлененного мира.

Границы функционально-семантических полей весьма условны, особенно в широкой области непрямой номинации и на уровне высказываний. Для целей сопоставления функционально-семантических полей на уровне высказываний при ономасиологическом подходе важно определить коммуникативную (смысловую) доминанту высказывания, от которой зависит соотносимость или несоотносимость данных сегментов. Приведенные здесь сегменты текста описывают ту же ситуацию и объединены общей смысловой доминантой — выражением неопределенно большого количества:

Comenzó a moverse una luz como tímida luciernaga. Pronto se le unió otra y otra más y ya fueron muchas las que haradaban la noche en religiosa procesión. Surgían atrás y a la izquierda y arriba y a la derecha hasta coincidir en el camino donde formaban una cadena luminosa, un collar de móviles cuentas dermigajadas, una culebra de oscilantes anillos perezosamente movidos.

(А. Варела. EL río oscuro. Mexico, 1957, p. 70).

Вдали светлячком замерцал огонек... Вскоре к первому огоньку присоединились другие — слева, справа, сзади, сверху, — и они протянулись по дороге факельным шествием, длинной светящейся цепью, рассыпанными бриллиантами ожерелья, блесками на коже лениво ползущей змеи.

(А. Варела. Темная река. Пер. с испанского. «Роман-газета», № 18, 1974, с. 18).

Процесс номинации (выбора средств для описания ситуации в оригинале) и реноминации связан со смыслом, который является доминантой всего высказывания. В сопоставлении высказываний русского и испанского языков с общей смысловой доминантой «неопределенно большое количество» представляют интерес возможности (потенции) контекстуальной актуализации языковых средств (см. подчеркнутые в приведенных высказываниях слова, которые вне текста либо никак не ассоциируются с идеей количества вообще и неопределенно большого количества в частности — *atras, a la izquierda, arriba, a la derecha* — либо имеют лишь потенциальную сему неопределенно большого количества: *cadena, collar, culebra*).

Сопоставительная ономазиология на уровне номинации через высказывание вправе изучать в двух каких-либо языках потенции контекстуальной обусловленности смысловой актуализации языковых средств, участвующих в выражении доминанты соотносимых микрополей этих языков.

Следующий этап углубления в сопоставительную ономазиологию связан с уровнем слов и словосочетаний, который по своей важности и удельному весу в функционально-семантическом поле неопределенно большого количества заслуживает особого рассмотрения.

Список литературы: 1. Акуленко В. В. Типология и сопоставительное изучение языков.— В кн.: Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания».— М.: Наука, 1976. с. 5—7. 2. Гак В. Г. К типологии типологических исследований.— В кн.: Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания».— М.: Наука, 1976. с. 54—56. 3. Успенский Б. А. Структурная типология языков.— М.: Наука, 1965.— 286 с. 4. Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б. Машинный перевод: теория, эксперимент, внедрение.— Вопросы языкознания, 1977, № 5, с. 73—79. 5. Гак В. А. Сравнительная типология французского и русского языков.— Л.: Просвещение, 1976.— 300 с. 6. Языковая номинация: Общие вопросы.— М.: Наука, 1977.— 359 с. 7. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий.— Л.: Наука, 1976.— 255 с. 8. Глушак Т. С., Семенова С. К. К проблеме обоснования статуса функционально-семантических категорий в языке.— Вопросы языкознания, 1979, № 2, с. 10—15. 9. Акуленко В. В., Сукаленко Н. И. О различных уровнях нормы.— Структурная и математическая лингвистика, вып. 3.— Киев: Вища школа, 1975, с. 3—11. 10. Аристотель. Категории.— М.: Соцэкгиз, 1939.— 83 с. 11. Новицкая В. В. Лексика с количественным значением в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук.— Уфа, 1978.— 136 с.

Поступила в редколлегию 19.12.80.

Н. Л. КЛИМЕНКО

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА

Языковые средства выражения количества, занимающие важное место при изучении семантического аспекта языка, в последнее время привлекают внимание многих исследователей. Чаще рассматривается ограниченная область поля количества [3; 4; 5; 7; 8; 9; 12; 15 и др.] и его отдельные составляющие. Так, в работе Г. И. Мишуровой [13] описаны только существительные русского языка с количественным значением; они рассматриваются в семантическом аспекте в синтаксической модели «существительное + существительное в родительном падеже». Автором выделены многие слова

с переносным количественным значением, хотя в работе не прослеживается процесс развития этого переноса, не показана его связь с семантикой исходного слова. Кроме того, ограничение исследования рамками одной части речи неизбежно сужает материал, выделяя его из естественных связей в поле количества.

М. Ю. Тихонова [17] дает описание системы, называемой семантическим полем неопределенного множества с целью выявления системных отношений между ее элементами. Анализ касается и таких слов, как *много, немало, столько, сколько*, а не только существительных. Кроме того, здесь учтены фразеологические средства выражения множества, в том числе некоторые отсутствующие в словарях фразеологизмы: *поверх / выше головы — дел, работы* и т. п., *воз и маленькая тележка — денег, добра, по самую завязку — заказов, занятий, возни, не оберешься — хлопот, забот, неприятностей, более чем достаточно — дел, несчастий, знаний*. Автор классифицирует «неопределенно-количественные слова в зависимости от их семантической структуры, выделяя 3 типа и 11 лексико-семантических групп в микросистеме «много». Спорным является отнесение слов *тьма, бездна, пропасть, гибель* к ядру со значением «много», ввиду будто бы прямого значения множественности в этих словах в современном языке (историческая переносность значений отмечена автором). Представляется, однако, что значение неопределенного множества ощущается здесь и в современном русском языке как переносное. М. Ю. Тихонова описала не только лексическую сочетаемость ряда слов со значением неопределенного множества, но и уточнила принадлежность некоторых из них (таких как *много, немало, столько, сколько, уйма, масса*) к той или иной части речи, морфологические ограничения, которым они подвержены, их синтаксические свойства, стилистические характеристики. К сожалению, в этой богатой материалом работе еще недостаточно четко показана общая структура поля неопределенно большого количества.

Перспективным представляется дифференцированный подход к изучению множеств различных типов у Т. П. Перетятко [16]. Однако выделение неопределенного и определенного множества (*много / море цветов — взреница / куча книг*), а также множества в собирательном и разделительном смысле (*рой солдат, рой мух — море костров, град стрел*) основывается на недостаточно четком критерии: если вслед за Т. П. Перетятко определенным считать множество, имеющее предел, то совершенно неясно наличие предела в случае типа *вереница / куча книг* при отсутствии у *множество / море книг*. Скорее речь должна идти об относительной разнице мощностей множеств, т. е. разной численности их элементов. Интересен в этой работе материал о квантитативной метафоре, автором ставится вопрос о степени способности слов переносно выражать количественное значение, о путях переноса значения.

Ряд работ последних лет посвящен тому, как выражается идея количества в диалектах и говорах [12; 18]. Особый интерес представляют разные способы переносного обозначения количества

в литературном и диалектном языках как двух формах единого русского национального языка. Средства выражения образов множественности не тождественны в этих двух системах, хотя природа образов в общем одинакова. В. В. Новицкая [14; 15] рассматривает лексико-семантическую микросистему со значением «мощность множества», куда относятся лексемы на основе общности функции обозначать мощность неопределенного множества, т. е. количество элементов, составляющих это множество, которую следует отличать от микросистемы «множество (совокупность)», представленную лексемами, в семантической структуре которых доминируют лексические семы, обозначающие некоторые множества как сложные по структуре реально существующие объединения однородных или одинаковых объектов; количественный же состав этих совокупностей, т. е. их мощность, является невыраженной, это, например, *табун, группа, стая, бригада*. К микросистеме «много» наряду с лексемами типа *много, обилие* относятся прилагательные *большой, огромный, громадный* и т. п., — монофункциональные слова, которые выполняют функцию экспликации количественного состава множества, причем эта функция для лексем, употребляющихся при существительных со значением совокупного множества является первичной (*огромный табун лошадей*), а для лексем, употребляющихся при счетных существительных — вторичной (*много людей*), поскольку формы числа счетных имен существительных не только обозначают множество, но и эксплицитно выражают его мощность (в аспекте «один — много»). К бифункциональным знакам в этой микросистеме относятся лексемы типа *армия, гора, поток, сила*, которые употребляются в прямых и переносных значениях, в прямых просто называя множество каких-то объектов или какую-нибудь реалию действительности, а в переносных выражая мощность множества. Действительно, изолированно, взятые вне контекста существительные совокупности (*армия, бригада, табун, свора* и т. п.) означают соответственно совокупности военных людей, объединенных общей работой, животных определенного вида, не выражая их количественного состава. Однако неясно, почему в сочетаниях типа *табун лошадей* мощность множества не выражена, в то время как форма *лошади* «эксплицитно выражает мощность» множества [15, с. 49], хотя бы и в аспекте «один — много». Ведь в таком же аспекте, который точнее, как нам кажется, было бы представлять как «один — несколько», можно рассматривать и сочетания *табун лошадей, бригада рабочих* и т. п. Кроме того, говорить о том, что употребления количественных прилагательных типа *большой, малый* в качестве определителей лексем со значением совокупности эксплицирует мощность множества, можно только в том смысле, что мощность из неопределенной превращается в неопределенно большую или неопределенно малую в зависимости от субъективной оценки говорящего. Объективно точная мощность множества может быть выражена только при помощи числительных [ср. 11, с. 114].

Прилагательные типа *большой, малый*, которые в отличие от других исследователей вводятся В. В. Новицкой в микросистему «много» наряду с *бесчисленный* и *бессчетный*, чаще употребляются для оценки величины [1; 3]; в сочетании с существительными со «значением раздельного множества» [15, с. 51], т. е. по-видимому, с исчисляемыми, они имеют качественное значение: ср. *большой книголюб*, обозначают размер: *большой дом*, иногда возраст (а *big boy* — *большой мальчик*), с конкретными существительными вообще не сочетаются (кроме окказионализмов типа *большая вода*). Сочетания прилагательных типа *большой* с абстрактными существительными выражают качественные отношения (русск. *большое / глубокое горе* $\neq$ много горя — ср. *большая дружба*, отсюда *большие друзья*: *Их связывает большая дружба* $\rightarrow$ *Они большие друзья*, где тоже определяется качество существительного). Однако в ряде сочетаний *большой* = много, например: *большие деньги* = много денег, *большие расходы* = много расходов, ср. англ. *big money* = much money и т. п. В. В. Новицкой едва ли не впервые отмечается, что большинство лексем со значением «множество (совокупность)» способно количественно характеризовать множество в определенных условиях, в частности актуализации периферийных сем со значением количества способствуют слова типа *целый (рабочих у входа — целая бригада, грибов на полянке — целое семейство)* [15, с. 54]. Это свойство присуще, впрочем, не только лексемам с данным значением, но и другим, входящим в то же поле, например, словам со значением вместилища: *целый ящик пирожных*, англ. *a whole bottle of aspirin* (J. D. Salinger).

Новым является выделение семантических классов со значением временной длительности и пространственной протяженности и соответственно семантических классов со значением мощности временного отрезка (ядро: *секунда, минута, час, сутки*) и мощности пространственного отрезка (ядро: *сантиметр, метр, километр*).

Попытка формализации некоторых средств выражения количества в русском языке сделана Г. М. Ильиным и Л. Н. Смирновой в статье «Об одном способе выражения в тексте класса «количество» [6]. Авторами моделируется процесс выдачи ответа на вопрос «сколько», для чего целесообразным представляется ввести понятие предпочтительности для возможных ответов. Не рассматриваются такие способы выражения количества, как например, прилагательные с количественным значением (*многочисленные трубы*), местоимения (*все школьники*), сочетания «местоимение + количественное / порядковое числительное» (*каждые два билета из десяти, каждый второй билет*) и др. Особое внимание обращается на разрешение неоднозначности сочетаний типа *тьма лесов, леса новостроек, гибель комаров* и т. п. В качестве способа разрешения неоднозначности используется употребление слова «целый» (*тьма лесов — целая тьма лесов* и т. п.).

Для иллюстрации одного из методов лингвистического описания, удобного для функционального моделирования различных

видов речевой деятельности, на материале определенного типа семантических единиц и их отображений в поверхностной структуре русского текста Б. М. Лейкина [10] вводит понятие функтора множественности, под которым понимается оператор, образующий сложные объекты со значением множественности. Выделяется ряд валентных характеристик, специфичных для форм множественного числа субстантивов; основной является их сочетаемость с согласуемыми формами множественного числа (*книги лежат, английские книги, книги-бестселлеры, книги, которые* и т. п.). Метод, раскрывающий значение формальных единиц, удобен для автоматической обработки информации, содержащейся в тексте.

Способы выражения идеи количества изучаются не только в русском, но и в украинском [4 и др.] и в германских и романских языках [3; 5; 7; 8; 9; 19 и др.]. В самой ранней из посвященных этой проблеме работе М. Н. Клаз (1954) [8] ставится задача систематизировать существующие в английском языке способы и формы реализации числового значения существительного.

Н. Н. Бочкарева [3] изучает словосочетания, в которых реализуется квантитативно-субстанциональная модель (N_1 of N_2 , где N_2 — семантическая доминанта, а N_1 — квантификатор, т. е. слово, обозначающее, по Л. С. Бархударову [2, с. 60] «в той или иной мере количество — число предметов, лиц, обозначаемых существительными, или количество обозначаемого существительным вещества, свойства и т. д.» В модели N_1 of N_2 N_1 — всегда исчисляемое, даже вопреки парадигматическим характеристикам данного слова. В оптимальных для реализации квантитативно-субстанциональной модели условиях N_1 , как правило, характеризуется категорией неопределенности. Определенный артикль может вообще нейтрализовать значение количества (ср. a world of power — the world of crime) или может сигнализировать кваликативную модель при сохранении количества у N_1 , если оно относится к отвлеченным существительным, прямо соотношенным с понятием количества (ср. a number of trips — the number of trips). Исследуются случаи нейтрализации квантитативно-субстанциональной модели, ограничения, накладываемые на ее компоненты, влияние контекста на ее реализацию.

Определенное место в семантическом поле количества любого сколь-нибудь развитого языка занимают слова-измерители, т. е. слова, используемые для номинации измерительных оценок [4; 19]. В системе английского языка в связи с ранним развитием измерительной практики человека слова-измерители давно уже функционируют в качестве узуальных детерминативов неопределенного количества. Микроструктуры «много» и «мало», образованные за пределами точной измерительной лексики указанными словами, рассматриваются в работе С. А. Швачко [19].

Одну из разновидностей количественных отношений — систему средств выражения неконкретной количественной оценки, выражаемыми которой является особая группа лексико-грамматических

единиц типа *some, several, (a) few, (a) little, many, much, all* исследует Е. В. Щебетенко [20], объединяя перечисленные единицы под общим названием квантификаторов. В работе проводится внутреннее отграничение квантификаторов от числительных в плане наличия начальной ступени исчисления у числительных при отсутствии конечной, и, наоборот, отсутствия начальной ступени исчисления у квантификаторов и наличия конечной (под конечной ступенью имеется в виду полный охват множества, выражаемый *all*, т. е. тотальное количество). В плане системно-количественного подхода выявляются закономерности функционирования квантификаторов, а именно, те сочетаемостные потенции, которые определяют структурную характеристику данной группы.

Несколько иной подход к квантификаторам (кванторным словам) находим в работе Т. А. Яцук [21], которая анализируя семантику английских *all both, each, some, any, no, every* и их производных, не включает в данную группу слова *many, much, few*, относимые к квантификаторам большинством исследователей [2, с. 61; 22, с. 3], так как считает, что в их семантической структуре присутствует другой семантический признак — характеристики выделяемого подмножества с точки зрения его величины. Для характеристики семантики рассматриваемых единиц используется сема «степени охвата совокупности». На основании семного анализа кванторных слов устанавливается характер семантических отношений между ними. Автором была проанализирована зависимость значений исследуемых квантификаторов от контекстных условий, в частности было показано, что в контексте происходит, как правило, уточнение семантического признака совокупности, являющегося интегрирующим для всех единиц группы.

На материале немецкого языка анализ некоторых конститuentов поля количества, ограничивающийся количественным числительным, счетным и совокупительным существительным, проводит Д. А. Кашина [7]. В работе показана зависимость значения квантификатора, выраженного количественным числительным, от позиции по отношению к существительному, обозначающему предмет, подлежащий количественному определению, а также зависимость лексической сочетаемости совокупительных существительных, составляющих, по Д. А. Кашиной, дальнюю периферию поля количества, от их семантической структуры.

В сопоставительном плане исследование элементов функционально-семантического поля количества проводится только в диссертации В. Н. Вовк [5], где типизованные номинативные единицы, выделенные в семантическом микрополе неопределенного множества в современном английском языке, изучаются в сопоставлении с украинским языком. Работа посвящена сочетаниям слов переменной устойчивости, в ходе ее разрешаются такие вопросы: 1) сочетаемость как показатель компонентной семантики слов, 2) семантические транспозиции имен существительных в позиции первого компонента модели N_1 of N_2 , 3) синонимическая корреляция иссле-

двух единиц, 4) «сопротивление лексического материала» при актуализации различных типов модели N_1 of N_2 , 6) явления детерминологизации в семантической транспозиции имен существительных, 6) стилистическая валентность исследуемых единиц в английском и украинском языках. В. Н. Вовк рассматривает лексико-семантическую группу слов, обозначающих множественность со значением протяженности во времени, например, англ. century, decade, history, aeon и др., отсутствующие в работах других исследователей [ср. 14].

Исследование средств выражения идеи количества в плане сопоставления нескольких языков представляется особенно перспективным; здесь возможно установление общих путей номинации и специфичных, варьирующих от языка к языку способов. Необходимо показать, как единицы разных уровней языка, объединяясь в стройную систему, участвуют в акте номинации идеи количества в разных языках, проанализировав устройство этой системы для каждого языка.

Список литературы: 1. Афанасьева О. В. Лексическая сочетаемость английских прилагательных, обозначающих большой размер (big, vast, enormous, immense, extensive, ample, expansive) в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук.— М., 1977.— 13 с. 2. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка.— М.: Высш. школа, 1966.— 200 с. 3. Бочкарева Н. Н. Квантитативные сочетания типа a cup of tea, a world of power в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук.— М., 1974.— 32 с. 4. Винник В. А. Названия единиц измерения и веса в украинском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук.— Киев, 1965.— 15 с. 5. Вовк В. М. Фразеологизированные единицы со значением неопределенного множества в современном английском языке (в сопоставлении с украинским языком): Дис. ...канд. филол. наук.— Киев, 1976.— 187 с. 6. Ильин Г. М., Смирнова Л. Н. Об одном способе выражения в тексте класса «количество». — В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности, вып. 3. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976, с. 74—85. 7. Кашина Д. А. Функционально-семантическое поле количества (на материале современного немецкого языка): Дис. ...канд. филол. наук.— Горький, 1974.— 192 с. 8. Клаз М. Н. Средства выражения числовых значений имени существительного в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук.— М., 1954.— 191 с. 9. Клименко Н. Л. Английская и русская микросистемы неопределенно большого количества в сопоставительном и переводоведческом аспектах.— Вісн. Харк. ун-ту, 1978 / Філологія, вип. 11, № 165, с. 67—72. 10. Лейкина Б. М. Об одном методе описания семантических единиц множественные объекты смысловой структуры).— Ж.: Науч.-техн. информ. Сер. 2, 1973, № 8.— с. 3—12. 11. Ломтев Т. П. Квантитативы современного русского языка.— В кн.: Памяти академика В. В. Виноградова.— М.: Изд-во МГУ, 1971, с. 106—116. 12. Лукьянова Н. А. Выражение содержания «в большом количестве» языковыми средствами литературного языка и диалекта.— В кн.: Вопросы языка и литературы народов Сибири.— Новосибирск, 1974, с. 107—121. 13. Мишурова Г. И. Существительные с количественным значением в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук.— Ленинград, 1969.— 272 с. 14. Новицкая В. В. Лексика с количественным значением в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук.— Уфа, 1978.— 170 с. 15. Ее же. Лексические средства выражения мощности (меры) множества.— В кн.: Семантика и структура предложения.— Уфа: Изд-во Башк. ун-та 1978, с. 46—55. 16. Перетягко Т. П. Лексические средства обозначения

неопределенно большого количества предметов: Дис. ...канд. филол. наук.— Алма-Ата, 1972.— 228 с. 17. Тихонова М. Ю. Лексико-фразеологическая микросистема «много» в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук.— Самарканд, 1971.— 247 с. 18. Шварц А. П. Группа наречий, включающая антонимичные микросистемы слов, связанных с понятиями «много» и «мало» (на материале наречий говора д. Акчим Красновишерского р-на Пермской обл.) — В кн.: Уч. зап. Перм. ун-та, № 162, Пермь, 1966, с. 110—123. 19. Швачко С. А. Эволюция и функционирование слов-измерителей в системе английского языка (на материале слов меры и веса): Дис. ...канд. филол. наук.— Киев, 1971.— 202 с. 20. Шебенко Е. В. Группа квантификаторов как лексико-грамматическая система выражения неопределенного количества в английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук.— М., 1977.— 16 с. 21. Яцук Т. А. Семантическая характеристика группы кванторных слов в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук.— М., 1977.— 21 с. 22. Jespersen O. *Analytic Syntax*.— London: Allen and Unwin, 1937, ch. 5.— 170 p.

Поступила в редколлегия 11.11.80.

Н. С. ДОРОШЕНКО

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ (ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СУФФИКСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Одним из путей исследования черт сходства и различия в языках мира является использование понятия интернациональных элементов языка: интернациональных морфем, лексем, фразем [1, с. 53].

Применение понятия интернационального при синхронном словообразовательном анализе позволяет изучить сходные и различные черты в системах словообразования сопоставляемых языков, выявить закономерности организации их словарного состава и предсказать некоторые направления его развития в будущем. Исходя из тезисов о системности словообразования [3, с. 377] и о моделировании словообразования на основе семантического принципа [6, с. 55], систему деривации данного языка можно представить как совокупность структурных моделей деривации, объединяемых в смысловые группы по признаку общего категориального значения производных одного лексико-семантического класса.

Внутри системы словообразования в каждом из европейских языков предполагаем существование интернациональной деривационной подсистемы, которая определяется следующими положениями: 1. Деривационные морфемы интернациональных слов, выделяемые в соответствии с правилами синхронного словообразовательного анализа и являющиеся сходными в плане выражения и плане содержания, называются интернациональными деривационными морфемами языка. 2. Вводится понятие интернациональной деривационной модели, которую определяем как стабильную структуру, обладающую интернациональным в кругу сопоставляемых языков обобщенным лексико-категориальным значением, способную наполняться конкретным лексическим материалом и описывающую производную основу вида: «производящая основа» + «интернациональная деривационная морфема» [ср.: 7, с. 149]. 3. Совокупность интернациональных деривационных моделей языка составляет собственно интернациональную деривационную подсистему (собственно ИДП) языка. 4. Специфические для языка деривационные модели структуры: «производящая основа» + «интернациональная деривационная морфема» не являются собственно интернациональными и в совокупности составляют квазиинтернациональную деривационную подсистему (квази-ИДП) языка. Однако они существенно характеризуют специфику интернационализации

словообразования данного языка и потому включаются нами в понятие интернациональной деривационной подсистемы (ИДП) языка в широком смысле: ИДП = собственно ИДП + квази-ИДП.

Предполагая существование ИДП в каждом из европейских языков, можно предсказать ее двойственный характер, вызванный влиянием двух разнонаправленных тенденций. Во-первых, являясь подсистемой общей системы словообразования языка, она испытывает ее давление и подчиняется ее закономерностям. Во-вторых, постоянно усиливающийся процесс интернационализации лексики на основе проникновения в языки интернациональных (в основном греко-латинских) словообразовательных типов и моделей (не только за счет заимствований, но и за счет образований с помощью интернациональных компонентов внутри языка) ведет к увеличению функциональной нагрузки ИДП, сохранению ее специфики и усилению влияния на всю систему словообразования в целом.

Очевидно, что роль ИДП в общей системе деривации для разных языков различна. Степень интернационализации деривационной системы языка, как и степень интернационализации словарного состава, зависит от ряда экстралингвистических и интралингвистических причин. Так, можно ожидать, и это подтверждается рядом исследований, что словарный состав и словообразовательная система в английском языке более интернационализированы в плане представленности широких европеизмов, особенно греко-латинизмов, чем в русском. Ясно также, что выделяемая собственно ИДП языка зависит от круга сопоставляемых языков и что, например, подсистема интернационального суффиксального образования существительных в английском языке будет больше при сопоставлении со структурно и исторически более близким французским языком, чем с русским.

ИДП языка характеризуется такими параметрами, как продуктивность и активность моделей деривации в ее составе, и семантико-структурные условия реализации таких моделей. Взаимнообусловленными характеристиками ИДП являются категориальная семантика производящих и производных основ, инвентарь деривационных морфем, морфологическая, фонетическая, словообразовательная структура производящих и производных основ и деривационных морфем, генетическая характеристика производящих основ и деривационных морфем [ср.: 6, с. 57].

В настоящей работе описывается выделенная при сопоставлении с русским языком часть ИДП английского языка — интернациональная подсистема суффиксального образования существительных.

Суффиксация занимает ведущее место в словообразовании английского имени существительного. Синхронный словообразовательный анализ интернациональной для 3-х европейских языков (английского, французского и русского) лексики позволяет выделить деривационные суффиксы интернациональных существительных английского языка, которые называем интернациональными деривационными суффиксами [методику выделения см., напр.: 2, с. 72—73]. При сопоставлении моделей суффиксального образования существительных в русском и английском языках выделяются интернациональные модели. Интернациональной моделью суффиксального образования существительных называется объединение двух существующих в сопоставляемых языках моделей деривации производных с общей категориальной семантикой с помощью соотносимых интернациональных суффиксов от слов одного лексико-семантического класса. Совокупность таких интернациональных моделей и составляет собственно интернациональную подсистему суффиксации английского имени существительного, в которой выделяются различные семантические словообразовательные типы.

Центральное место в системе суффиксальных производных занимают агентивные существительные. Они образуются по 16 интернациональным моделям с помощью 11 интернациональных суффиксов: *-er*, *-ist*, *-ess*, *-ant*, *-ent*, *-ite*, *-an*, *-eer*, *-ix*, *-ary*, *-ine*, *-ina*. Семантический словообразовательный тип агентивности имеет в английском языке высокую степень интернационализации: а) основная масса производных данного типа образована по продук-

тивным интернациональным моделям: $N \left\{ \begin{smallmatrix} + \\ V \end{smallmatrix} \right\} -er \rightarrow N$, $N \left\{ \begin{smallmatrix} + \\ A \end{smallmatrix} \right\} -ist \rightarrow N$, $N +$
 $+ -ess \rightarrow N$, $N \left\{ \begin{smallmatrix} + \\ V \end{smallmatrix} \right\} + -ant / ent \rightarrow N$ [здесь и далее см., напр.: 4, с. 44—71;

5, с. 131 и след.]; б) из доминирующих суффиксов семантического словообразовательного типа агентивности только *-ee* не является интернациональным, остальные неинтернациональные модели образуют сравнительно небольшое число дериватов, часто с дополнительным значением презрительности, уничижительности: *princeling, darkie, rhymester, dullard*. Высоко интернациональным является в английском языке и семантический словообразовательный тип «опредмеченное действие», ядро которого создают продуктивные интернациональные модели $V + -ion \rightarrow N$, $V + -ance \rightarrow N$, $V + -age \rightarrow N$, $V + -ure \rightarrow N$. Существование единичных образований $V + -мент \rightarrow N$: *ангажемент, аккомпанемент* («результат действия») и $V + -инг \rightarrow N$: *тренинг* позволяет отнести к интернациональным моделям и образования с доминирующими суффиксами данной семантики *-ing, -ment*. Вместе с интернациональными моделями $N + -ion \rightarrow N$, $V + -ade \rightarrow N$, $V + -y \rightarrow N$, $N + -ure \rightarrow N$ они образуют почти полностью интернациональный семантический словообразовательный подтип, охватывающий около 5 тыс. лексикографически зафиксированных производных, за пределами которого остаются только малопродуктивные модели образования имен действия с суффиксами *-al* и *-ice*.

Многие исследователи выделяют в отдельный семантический словообразовательный тип существительных — названия наук, теорий, учений, направлений, научных принципов, отраслей искусства. Интересным, хотя и вполне объяснимым с точки зрения исторического влияния латыни и греческого на развитие европейской науки и культуры, является факт полностью интернационального характера суффиксального образования существительных с этим категориальным значением (модели $N + -ism \rightarrow N$, $N + -y \rightarrow N$, $N + -ics \rightarrow N$, $A + -ism \rightarrow N$, $A + -ics \rightarrow N$, $V + -ism \rightarrow N$).

Остальные семантические суффиксальные типы характеризуются меньшей степенью интернационализации. Так, в представлении семы «свойство, состояние или качество» доминирующими являются модели с неинтернациональным суффиксом *-ness* (подавляющее большинство дериватов). В производных этого семантического словообразовательного типа представлено больше интернациональных суффиксов (*-ity, -ance / ence, -ion, -ment, -ism, -age, -y, -ate, -ure*), чем неинтернациональных (*-ness, -ship, -ancy / ency, -cy, -hood, -dom, -tude, -th*). Однако лишь некоторые из них входят в состав интернациональных моделей: $N \left\{ \begin{smallmatrix} A \\ V \end{smallmatrix} \right\} + -ion \rightarrow N$, $N \left\{ \begin{smallmatrix} A \\ N \end{smallmatrix} \right\} + -ity \rightarrow N$, $N \left\{ \begin{smallmatrix} A \\ N \end{smallmatrix} \right\} + -ism \rightarrow N$,

$N \left\{ \begin{smallmatrix} A \\ N \end{smallmatrix} \right\} + -y \rightarrow N$, $N \left\{ \begin{smallmatrix} A \\ N \end{smallmatrix} \right\} + -ure \rightarrow N$, $N \left\{ \begin{smallmatrix} A \\ N \end{smallmatrix} \right\} + -age \rightarrow N$. 10 моделей, представляющих эту сему, квазинтернациональны, 13 — неинтернациональны. Собирательные существительные английского языка образуются по двум интернациональным моделям $N + -age \rightarrow N$ и $N + -ana \rightarrow N$ и 7 неинтернациональным моделям с суффиксами *-dom, -ery, -cy, -hood, -ship, -ing*, что свидетельствует о невысокой степени интернационализации семантического словообразовательного типа собирательности. Сема локальности, помещения, представленная в небольшом количестве суффиксальных дериватов, обладает одной продуктивной неинтернациональной моделью $N + -ery \rightarrow N$ и несколькими малопродуктивными интернациональными моделями $N + -ary \rightarrow N$, $N + -age \rightarrow N$, $N \left\{ \begin{smallmatrix} A \\ V \end{smallmatrix} \right\} + -ory / orium \rightarrow N$.

Наиболее национально-специфичным является семантический словообразовательный тип существительных со значением оценки, в котором функционирует лишь одна среднепродуктивная интернациональная модель $N + -ette \rightarrow N$.

Суффиксальная система словообразования английского имени существительного обладает высокой степенью интернационализации. Интернацио-

нальные модели деривации представлены во всех семантических словообразовательных типах. При этом такие основные категориальные значения суффиксальных существительных, как агентивность, опредмеченное действие описываются в основном интернациональными моделями. Диапазон интернационализации семантических словообразовательных типов колеблется от полного охвата семы интернациональными моделями (сема «названия отраслей знания, искусства, учений, направлений») до существования лишь одной интернациональной модели наряду с 11 неинтернациональными (сема «оценочные существительные»).

Интернациональные модели в целом являются в английском суффиксальном словообразовании более продуктивными, чем неинтернациональные. Максимальной продуктивностью обладают модели с интернациональными суффиксами *-er* (> 5 тыс. производных), *-ion* (> 3 тыс.), *-ity* (> 1 тыс.), *-ist* (> 1 тыс.), *-ism* (> 1 тыс.), *-ing* (около 1 тыс.) и только с одним неинтернациональным суффиксом *-ness* (> 4 тыс. производных). По нашим данным, около 70 % всех суффиксальных существительных английского языка можно считать образованными в рамках ИДП в широком смысле, что свидетельствует о высокой продуктивности ИДП суффиксации английских существительных.

О преобладании интернациональных средств суффиксального образования существительных в английском языке над неинтернациональными говорит и тот факт, что интернациональные деривационные суффиксы английского языка характеризуются особенной многозначностью: ср. 5-значные суффиксы *-age*, *-ing*, 4-значные *-ism*, *-y*; большинство однозначных суффиксов неинтернационально. При рассмотрении многозначных суффиксов мы не относим к квазинтернациональным модели со специфическими для языка категориальными значениями суффикса, так как в этом случае суффикс не отвечает критериям интернациональности (например, значение конкретного единичного предмета в модели $N + -ing \rightarrow N$ (*queening*). Даже при таком жестком условии среди семантико-структурных моделей суффиксального образования существительных преобладающими оказались модели ИДП в широком смысле: 57 интернациональных моделей + 23 квазинтернациональные модели; неинтернациональных моделей обнаружено 68.

Интернациональные деривационные суффиксы существительных английского языка характеризуются в целом большей активностью при взаимодействии с производящими основами разных лексико-семантических классов, чем неинтернациональные. Так, трехвалентными (соединяющимися с производящими основами трех частей речи) являются 8 интернациональных и 5 неинтернациональных суффиксов, а одновалентными — 10 интернациональных и 15 неинтернациональных.

В ИДП наблюдается большее разнообразие морфемной и деривационной структуры производящих основ, чем в неинтернациональных моделях. Так, среди моделей, требующих исключительно однородной структуры и нулевой ступени производности производящих основ, 24 неинтернациональных и всего 6 интернациональных моделей.

Таким образом, и в плане выражения, и в плане содержания интернациональные средства суффиксального образования существительных оказываются преобладающими над неинтернациональными. Заметим, что хотя в работе не рассматривались модели деривации с суффиксами терминологических подязыков и морфемами промежуточного характера — «полусуффиксами», их включение в сферу анализа не изменит сделанного вывода, так как эти два вида моделей относятся к наиболее интенсивно интернационализируемым слоям лексики.

Существование значительного числа квазинтернациональных моделей указывает на то, что эта часть словообразования более интернациональна в английском языке, чем в русском.

Глубейшие исследования в плане сопоставления характеристик ИДП английского и других языков помогут обнаружить явления изоморфизма и алломорфизма этих языков как в аспекте типологии интернационального, так и в аспекте типологии словообразовательных систем.

Список литературы: 1. Акуленко В. В. Лексические интернационализмы и методы их изучения. — Вопросы языкознания, 1976, № 6, с. 50—63. 2. Дорошенко Н. С. Синхронно-сопоставительное описание интернациональных словообразовательных суффиксов имен существительных русского языка. — Вісн. Харк. ун-ту, № 165, 1978, Філологія, вип. 11, с. 72—76. 3. Кубрякова Е. С. Словообразование. — В кн.: Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М.: Наука, 1972, с. 344—393. 4. Мещков О. Д. Словообразование современного английского языка. — М.: Наука, 1976. — 245 с. 5. Перева А. В. Система суффиксации в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1976. — 228 с. 6. Степанова М. Д. Вопросы моделирования в словообразовании. — Вопросы языкознания, 1975, № 4, с. 53—63. 7. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. — М.: Высш. школа, 1968. — 200 с.

Поступила в редколлегию 10.12.80.

Л. Р. САВЧЕНКО

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПРОБЛЕМ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

В последнее десятилетие в отечественной методике преподавания русского языка как иностранного выделился специальный лингвострановедческий аспект как методика ознакомления иностранных школьников, студентов и стажеров, изучающих русский язык, с современной советской действительностью, культурой через посредство русского языка и в процессе его изучения. В лингвострановедении преследуются две цели: научить языку как форме выражения, как средству коммуникации и одновременно ознакомить обучающегося с культурой страны — в том ее виде, как она опосредована языком. Содержанием лингвострановедения является культура страны изучаемого языка, ставшая предметом методики преподавания этого языка, или, точнее, предметом соизучения при его изучении.

Учитывая связь лингвострановедения с коммуникативной практикой, с речевой жизнью общества, его можно определить и узкопрофессионально — как те страноведческие или культурные сведения, которые необходимы иностранным учащимся для полного и адекватного общения.

Именно с таким пониманием мы встречаемся в ряде работ, но эти вопросы в большинстве случаев лишь поставлены и не получили пока сколько-нибудь достаточного практического решения.

На IV конгрессе МАПРЯЛ была поставлена задача изучения и опытной проверки всех без исключения источников информации, равно как и приемы ее презентации, закрепления, активизации [3, с. 31]. К числу таких источников информации относятся и художественная литература. Нет оснований утверждать, что вопрос об использовании художественной литературы в процессе изучения русского языка в учебных целях в иностранной аудитории не привлекал к себе внимания исследователей и методистов. Использование русской и советской литературы в процессе обучения широко обсуждалось на международных симпозиумах в Ленинграде и Минске, на III конгрессе МАПРЯЛ в Варшаве. Доклады и сообщения на секции «Художественная литература и преподавание русского языка как иностранного» III конгресса МАПРЯЛ показали, что указанная научно-методическая проблематика многоаспектна: это и лингвистический анализ, его связь с анализом литературоведческим, и перевод как форма обучения, и отбор художественных текстов, их комментирование, и, наконец, принципы и пределы адаптации текстов.

Основные принципы лингвострановедческого подхода к художественным текстам сформулированы в книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» [2]. В основу лингвострановедческого комментирования

авторы книги положили лингвострановедческую теорию слова [1]. Основным элементом, в котором находит свое отражение культура, является слово. Слово же есть и основная иноязычная единица, подлежащая усвоению при изучении иностранного языка. Поскольку в процессе изучения русского языка подлежит усвоению и современная советская культура, то в плане лексически ее усвоение в значительной мере сводится к овладению словами, своеобразная семантика которых отражает своеобразие нашей культуры, т. е. слов с культурным компонентом. Рассматривая проблемы учебной семантизации культурного компонента слова, В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин выделяют два типа лингвострановедческого комментария: системный и комплексный, понимая первый как семантизацию отдельного слова через одновременное истолкование слов одного уровня абстракции, т. е. соположенных слов, а второй как семантизацию безэквивалентного и фонового слова путем привлечения разноположенных слов, т. е. слов различных степеней абстракции.

Учитывая, что системный лингвострановедческий комментарий наиболее пригоден при составлении учебных словарей, остановим свое внимание на комплексном лингвострановедческом комментировании, которое представляется целесообразным в процессе работы над художественным текстом.

Проблемы лингвострановедческого комментирования художественного текста, равно как и отбора минимума художественных произведений для иностранцев, изучающих русский язык, анализируются авторами книги «Язык и культура» в свете концепции «взвешенных знаний» [2, с. 228], которые обладают свойством наибольшей распространенности. Определяя все фоновые знания как макро-фон, авторы называют мини-фоном тот объем знаний, который преподаватель моделирует в учебной аудитории для рецепции определенного художественного произведения. Считая одной из важных характеристик рецепции нерасчлененность, целостность и одновременность восприятия эстетико-этической информации, авторы указывают на необходимость формирования мини-фона до прочтения текста. С этих позиций предлагается широкое использование предварительного комплексного комментирования текста. Таким образом, расширяется само представление о лингвострановедческом комментировании, означавшем в теории лингвострановедения предварительное комментирование в совокупности «тематически обусловленных слов» как «введение в текст» [2, с. 92—94], о его объеме в связи с выделением отдельных «тематических» частей комментария.

Нельзя не отметить, что методическая литература, связанная с вопросами анализа или комментирования художественного текста, отличается едва ли оправданной пестротой терминологии. Обсуждая задачу подготовки студентов к наиболее полному и адекватному прочтению художественного текста, методисты предлагают лингвистический [7, с. 530], литературоведческий [7, с. 845], лингво-стилистический [6, с. 456], структурно-семиотический [7, с. 521], семантический [7, с. 555] и другие виды анализа, а также различные типы комментариев: лингвистический [7, с. 634], стилистический [7, с. 530], лингво-стилистический [7, с. 530], информационный [7, с. 844], экстралингвистический [6, с. 849], «Литературные медальоны» [7, с. 529] и т. д. К сказанному можно добавить, что употребление самих понятий «анализ» и «комментарий» является столь же неупорядоченным. Эти термины употребляются в ряде работ как равнозначные термины, зачастую просто подменяются один другим, в других понимаются как идентичные формы работы с художественным текстом. В то же время в работах Н. М. Шанского встречается со следующим определением: «Лингвистический анализ... позволяет практиковать такой методический прием, как лингвистическое комментирование» [8, с. 220]. Наряду с терминами «анализ» и «комментарий» художественного текста в методической литературе встречается еще одно понятие — «толкование» художественного текста, определяемое как система лингводидактических приемов анализа текста и синтеза его образных средств [4, с. 8].

В советской лингвистической школе вопрос о толковании художественного текста получил научное обоснование в начале 30-х годов в работах

Л. В. Щербы; лингвистическое толкование художественного текста было определено им как «путь разыскания значений слов, оборотов, ударений, ритмов и тому подобных языковых элементов, путь создания словаря, или, точнее, инвентаря выразительных средств русского литературного языка» [9, с. 27]. Вопросы лингвистического толкования текстов (в связи с разработкой методики преподавания русского языка в школе) рассматривались и конкретизировались Л. М. Пешковским [5]. В последнее время в практике преподавания русского языка как иностранного заметно усилился интерес к толкованию текста, находящему все более широкое использование в системе подготовки преподавателей русского языка и литературы в СССР и других странах. Появляются специальные учебные пособия такого профиля, методические разработки и статьи. Из числа указанных пособий следует выделить книгу Л. А. Новикова «Лингвистическое толкование художественного текста» [4], дающую представление о принципах и конкретных приемах учебной работы с текстом. В работе над литературным произведением в иностранной аудитории Л. А. Новиков вслед за Н. М. Шанским выделяет три вида анализа: лингвистический, стилистический, литературоведческий. Можно согласиться с автором в том, что эти типы анализа текста в «чистом» виде встречаются довольно редко. Входя составными частями в единое толкование текста, различные типы анализа, а также комментарии способствуют полному и адекватному прочтению литературного произведения.

Книга Л. А. Новикова, как и другие пособия такого типа ориентированы на будущих преподавателей русского языка, студентов-филологов (иностранцев). В то же время аудитория иностранцев, обращающихся к художественной литературе, намного шире: это студенты-нефилологи гуманитарного профиля, и студенты-иностранцы естественных факультетов в нашей стране, и зарубежные читатели, испытывающие чисто любительский интерес к чтению художественной литературы и т. п. При ориентации на такой круг читателей становится необходимой разработка принципов создания лингвострановедческого комментария как своеобразного справочного аппарата текста. Этот справочный аппарат должен, видимо, различаться по объему в связи с учетом того, будет ли он использоваться в учебной аудитории, или он предназначен для самостоятельной работы, т. е. является частью справочного аппарата книги. Характер такого комментария будет зависеть от целей и задач обучения, уровня знаний и языковой компетенции адресата, наконец, и от специфики комментируемого произведения. Ни один из этих вопросов не получил в специальной литературе достаточного рассмотрения.

Дискуссионным является также вопрос о «пропорциях» различных типов комментирования (лингвистического, лингвострановедческого, стилистического, историко-культурного), принципах отбора языковых единиц, подлежащих комментированию, и некоторые другие.

В последнее время в методической литературе появляются материалы, отражающие практический опыт разработки комплексного лингвострановедческого комментария. Одни методисты составляют такой комментарий в соответствии с рекомендациями, изложенными в книге «Язык и культура», другие предлагают собственные пути решения этой проблемы.

Если в статьях методистов рассматриваются образцы аудиторной работы по комментированию, то в многочисленных книгах для чтения, ориентированных на иностранных читателей, представлен опыт составления комментариев для самостоятельной работы.

Конечно, характер и качество этих пособий, написанных в разные годы, неодинаковы. Книги для чтения первой половины 70-х годов отличаются разноплановостью тематики, отсутствием сколько-нибудь последовательного комментария.

Принципиальное отличие от вышеуказанных имеют книги для чтения, изданные во второй половине 70-х годов. Прежде всего они дифференцированы по принципам отбора литературного материала. Вместе с тем эти пособия имеют и одну важную общую черту — наличие комментария. Необходимо отметить, что комментарий упомянутых изданий несмотря на внешнее одностороннее (приблизительно одинаковый объем, место расположения, характер

составных частей: обзор творчества писателя, общий анализ предлагаемого для чтения текста, подстрочный комментарий, словарь) качественно отличаются друг от друга. Если рассматривать комментарий (а нас интересует лингвострановедческий комментарий, целью которого является создание мини-фона), то можно указать, что не во всех случаях он обеспечит наиболее полное извлечение информации. В то время как обзор пособий для чтения классической литературы вызывает серьезные раздумья и выдвигает проблемы для последующего исследования, еще более серьезными являются они при рассмотрении комментариев к произведениям советских авторов. Языковой комментарий, сопровождающий тексты, чаще всего дает ближайшее значение слова, имеющего ярко выраженный культурный компонент. Не использует всех своих потенциальных возможностей и ономастический комментарий. Представляется, что подробный анализ книг для чтения такого рода мог бы стать предметом отдельного исследования. Добавим к сказанному только, что в рассмотренных пособиях не всегда выдерживается принцип ориентирования на облигаторные произведения, встречаются произведения мало известных современному читателю авторов (С. Антонов, В. Федоров, А. Приставкин, А. Головкин и др.).

Таким образом, вопросы отбора художественного текста, принципы составления лингвострановедческого комментария, объем и форма его, принципы отбора языковых единиц, подлежащих комментированию, тщательный учет культуры адресата являются до сих пор не решенными ни теоретически, ни практически, что и отразилось в анализируемых пособиях.

Следует отметить также, что несмотря на растущую филологизацию обучения русскому языку как иностранному в условиях СССР, что в значительной мере связано с переходом на пятилетний срок обучения русскому языку, до сих пор является дискуссионным сам факт изучения художественной литературы в аудитории нефилологов.

Некоторые из этих проблем автор и предполагает исследовать в последующей работе.

Список литературы: 1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова.— М.: Рус. яз., 1980.— 320 с. 2. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, 2-е переработанное и доп. изд.— М.: Рус. яз., 1976.— 248 с. 3. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* К проблеме объекта и объема лингвострановедения.— В кн.: Теория и практика русского языка и литературы: Роль преподавателя в процессе обучения. Доклады советской делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ.— Берлин: Фольк унд виссен, Народное издательство Берлина, 1979, с. 29—42. 4. *Новиков Л. А.* Лингвистическое толкование текста.— М.: Русский яз., 1979.— 251 с. 5. *Пешковский А. М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики.— М., Л.: Госиздат, 1930.— 176 с. 6. *III конгресс МАПРЯЛ.* Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы. Тезисы докладов и сообщений.— Варшава: Панствовае выдавництво наукове, 1976.— 918 с. 7. *Четвертый международный конгресс преподавателей русского языка.* Теория и практика преподавания русского языка и литературы: Роль преподавателя в процессе обучения. Тезисы докладов и сообщений.— Берлин: Фольк унд виссен, Народное издательство Берлина, 1979.— 942 с. 8. *Шанский Н. М.* О лингвистическом анализе и комментировании художественного текста.— В кн.: Анализ художественного текста.— М.: Педагогика, 1975, с. 211—226. 9. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русской классике.— М.: Учпедгиз, 1957.— 188 с.

Поступила в редколлегию 05.11.80.

О ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В этой статье речь пойдет о проекте учебного пособия по современному русскому языку («Введение. Фонетика») для студентов университетов по специальности 2102 «украинский язык и литература». Актуальность данной темы обусловлена возрастанием социальной значимости свободного владения русским языком представителями всех национальностей Советского Союза. О значении изучения русского языка всеми гражданами Советского Союза в Программе Коммунистической партии записано: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре» [1, с. 115]. Растущее внимание во всех республиках, в том числе и в Украинской ССР, к изучению русского языка отвечает, таким образом, объективным потребностям развития нашего общества.

В условиях зрелого социализма неизмеримо возросла роль русского языка и как средства коммунистического воспитания нашей молодежи. Языковые знания являются одним из существенных элементов содержания обучения, с помощью которого осуществляется воспитательное воздействие на учащихся. Русский язык, как и другие общественные дисциплины, способствует воспитанию наших студентов в духе преданности коммунистическим идеалам, знание русского языка обогащает и развивает их. «Язык и литература,— подчеркивает президент АПН СССР В. В. Столетов,— могучее средство формирования и расцвета человеческих способностей. Деятели мировой культуры достигли выдающихся результатов и потому, что они владели несколькими языками и литературами. Многоязычие обогащает личность и увеличивает вклад в национальную культуру как часть общечеловеческой» [2, с. 4].

Важнейшими лингводидактическими принципами отбора и организации материала в данном учебном пособии должны явиться принципы историзма, научности, сравнительного сопоставления русского языка с украинским и др. При изложении программного материала необходимо помнить, что подлинная картина состояния современного русского литературного языка может быть воссоздана только с учетом его взаимодействия со всеми остальными системами общенационального языка и исторической перспективы его развития. «Историзм, основывающийся на марксистско-ленинском мировоззрении,— подчеркивает Ф. П. Филин,— одна из важнейших особенностей советского языкознания. Без внимательного и всестороннего исследования прошлого нельзя правильно понять и предвидеть будущее...» [3, с. 15].

Курс русского языка на отделениях украинского языка и литературы филологических факультетов университетов синтезирует в себе сведения из многих дисциплин лингвистического цикла: современного русского языка, истории русского литературного языка, исторической грамматики русского языка, старославянского языка. В нем, естественно, должны отразиться некоторые данные по диалектологии и, в особенности, по русской стилистике (данные о стилистической дифференциации фактов фонетического уровня языка, а также данные о причинах отступлений от норм русского литературного произношения).

В курсе современного русского языка для русистов основное внимание уделяется, как известно, освещению структурных элементов языка, определению единиц его отдельных уровней, описанию основных законов, раскрывающих взаимоотношения между единицами того или иного уровня языка, иерархии языковых единиц в данной системе и в системе разных уровней языка. Это глубокий сложный и чрезвычайно интересный аспект изучения русского языка. Он помогает постигнуть законы его внутреннего развития, а также обусловленность многих языковых явлений экстралингвистическими факторами. Новое пособие также ориентирует студентов на серьезное изучение системы современного русского языка в ее синхронном состоянии, знакомит их со всеми теоретическими понятиями курса, в том числе и с рядом вопросов, не нашедших в науке своего окончательного решения (например, с вопросом об определении стилей языка и их классификацией, о разных точках зрения на фонему, об отнесении звуков слабых позиций к фонемам и рядом других), но наряду с этим в нем акцентируется употребление языковых фактов в процессе речевой деятельности билингвов.

Параллельное изучение русского и украинского языков связывает материал данного учебного пособия с разработкой теоретических и методических проблем двуязычия. При изложении материала в данном курсе предполагается сопоставление фактов русского языка с украинским в плане установления их общих и дифференциальных черт, взаимодействия двух близкородственных языков. Сопоставительные характеристики целого ряда фонетических явлений двух восточнославянских языков, русского и украинского, должны восприниматься как один из существенных аспектов анализа и изложения материала в разделе «Фонетика и фонология». В «Фонетике» это найдет свое выражение в наличии специального комментария о различиях между русскими и украинскими гласными звуками А, Е (украинское А — заднего ряда, украинское Е — ближе к среднему ряду, украинский звук [Е] не смягчает предшествующих согласных звуков — *степ, небо, зеленый*); в объяснении такого рода явления как мена гласных звуков в безударных положениях, в наличии в двух близкородственных языках акцентологических норм как в словах общего происхождения, так и в омофонах более позднего времени: *вѣрба — верба́, ма́лый — ма́лий, бо́сий — бо́сий, го́рький — гі́ркий, го́рячо — га́ряче, твѣр-*

дый — твердый, белёный — білений и др. Сопоставительный план будет способствовать более глубокому усвоению русского языка, предупреждению фактов смешения явлений двух языков и нарушений литературной нормы. Изучение русского языка помогает вместе с тем более совершенному знанию украинского языка. При всем при этом следует помнить, что овладение фонетической системы русского языка требует от украинцев и белорусов больших усилий, чем от представителей неродственных языков, именно потому, что они испытывают более сильное воздействие на русскую речь со стороны материнского языка. И в этих условиях генетическая и семантическая близость восточнославянских языков должна восприниматься как отвлекающий фактор. А. А. Реформатский уместно подчеркивал: «Есть мнение, что произношение близкородственного языка легче усваивается, чем далекородственного или совсем неродственного, так как в родственных языках есть много «похожего». Однако... эта схожесть — явление мнимое и в значительной мере провокационное» [4, с. 513]. Причину мнимости разных «схожестей» А. А. Реформатский видел в идиоматичности, национальном своеобразии всех восточнославянских языков. «Близость родственных языков,— не уставал утверждать он,— таит в себе много соблазнов и опасностей. Так можно просто сформулировать: «если похоже, то можно произносить по-своему» — а э о и есть как раз произношение с акцентом» [4, с. 514]. Эти важные выводы должны учитываться и при составлении вузовского учебного пособия. С этой целью в нем необходимо более четко, чем это делалось до сих пор, разграничить взаимовлияние украинского и русского языков, в результате которого обогащаются оба контактирующих языка, с одной стороны, и явления речевой интерференции, с другой. Интерференция — отрицательный перенос особенностей материнского языка на русскую речь, в результате которого нарушается продуцирование (говорение и письмо) или рецепция (слушание и чтение) языковых средств русского языка. Сила интерференции при изучении русского языка как второго родного настолько значительна, что основная масса ошибок в русской речи студентов-украинцев допускается именно под ее влиянием. При исследовании результатов интерференции обнаружена закономерность: чем дальше языки друг от друга, тем меньше акцентных явлений вызывает процесс овладения одним из них.

Одним из отклонений от орфоэпических норм русского литературного языка на Украине, например, является мягкое произношение звука Ц, возникшее под влиянием украинского языка. Особенно часто звук Ц произносится мягко в словах, оканчивающихся на -ЦИЯ, общих для русского и украинского языков: *интеллигенц'ия, революц'ия, милиц'ия, конституц'ия, операц'ия, авиаци'ия, навигац'ия, мелиорац'ия* и др. Причины допущения такого рода ошибок зависят от неразличения взаимоотношений между фонологическими системами языков. В русском языке фонема Ц всегда твердая. Она реализуется во всех словах (исключение —

слово *ц'вет* и производные от него, а также имена собственные иноязычного происхождения — *Цюй-Юань*, *Цюрупа* и др.). В украинском языке различают Ц твердый и Ц' мягкий. Ср. *цикатії*, *цибуля*, *поцілунок*, *цього*, *цвіркун* и др. Ср. в русском языке Ц перед гласными переднего ряда и в заимствованных, и в исконных словах звучит всегда твердо: *конституция*, *интеллигенция*, *цель*, *целина*, *целый*. В украинском языке звуки Ц и Ц' противопоставляются фонологически (ср. *цим хлопцям* и *на цьому хлопцеві*). Однако в русской речи украинцев сказывается отсутствие навыка произношения твердого Ц перед гласными переднего ряда при воспроизведении слов, общих для обоих языков. Ср.: укр. *конституція*, *міліція*, *традиція* и русск. *конституция*, *милиция*, *традиция*. Произносительная интерференция возникает и вследствие различия дистрибутивных моделей русского и украинского языков. Порождая русскую речь, билингвы необычные для себя сочетания старается подогнать под модели родного языка. Ср.: звуко сочетания твердый согласный плюс гласный переднего ряда с последующим повторением такого же сочетания звуков в словоформах украинского языка и звуко сочетания твердый согласный плюс гласный переднего ряда в сочетании с последующими — мягкий согласный перед гласным переднего ряда в словоформах русского языка: *німими* — *немыми*, *сліпими* — *слепыми*, *любимими* — *любимыми* и т. д. В речи украинцев встречается интерферированное русское произношение: *немымы* или *нем'им'и*, *любимыми* или *люб'им'им'и* и т. д.

В потоке русской речи билингвы автоматически выделяют дифференциальные признаки, которые совпадают (приравниваются, идентифицируются) с соответствующими фонологическими элементами украинского языка. В результате такой идентификации звуки русского языка при воспроизведении их билингвом получают неверную фонологическую интерпретацию. В силу всего вышесказанного в пособии несколько шире, чем обычно, надо рассмотреть вопрос о природе произносительных норм, чтобы подчеркнуть нормированный характер литературного языка на одном из его уровней, привести полный перечень норм образцового новомосковского произношения.

Основным методологическим принципом борьбы за высокую культуру русской речи на Украине стала ориентация на кодифицированные нормы русского литературного языка, на единые законы его развития. Настало время активного массового усвоения норм русского литературного языка на всех его уровнях. С этой целью с 1980/81 учебного года школы УССР повсеместно переходят на изучение русского языка с первых классов, усилены поиски путей интенсификации учебного процесса по русскому языку. Однако, в связи с тем что и сегодня еще какая-то часть выпускников наших средних школ и даже студентов вузов допускает ошибки в произношении в изложении связного текста, мы не можем не акцентировать внимание на том, что это обстоятельство требует от учителей

и преподавателей, ведущих учебный процесс, специальных знаний, такта и чуткости.

Данное учебное пособие, как и другие вузовские пособия подобного типа, призвано помочь преподавателю в решении ряда самых насущных для высшей школы проблем: проблемы интенсификации учебного процесса, а также проблемы формирования у студентов потребности учиться, добывать знания самостоятельно и др. Решение этих задач будут способствовать методические указания и материалы к семинарским и практическим занятиям по русскому языку, помещенные в конце книги.

Раздел «Введение», отличающийся сложной аспектологией, кроме главных установочных положений курса, должен содержать основные положения классиков марксизма-ленинизма о языке, раскрывать понятие национального языка и составляющих его компонентов (литературный язык как высшая форма национального языка, территориальные диалекты, просторечие, социальные диалекты, или жаргоны), содержать определение норм литературного языка, критериев нормативности языковых явлений. Учебное пособие должно освещать все вопросы программы полно и широко. Полнота изложения — одно из условий, призванных обеспечить глубокое усвоение материала.

Как видно из всего изложенного выше, лингводидактические основы создаваемого учебного пособия по русскому языку ориентируют будущих специалистов на преподавание родного языка с учетом языковой ситуации, которая сложилась в Украинской ССР, — гармонического двуязычия, или свободного владения украинским и русским языками. Необходимость в появлении данного пособия, на наш взгляд, не вызывает сомнений, так как изучение звукового состава русского языка и основных его закономерностей уже на более высоком, по сравнению со средней школой, научном уровне призвано помочь студентам сознательно овладеть нормами образцового русского литературного произношения, а знание русской графики и орфографии послужит теоретической основой для повышения культуры письменной речи. Кроме того, раскрывая перед студентами богатство и выразительные возможности русского языка, данное пособие должно еще более развить и укрепить в них любовь к русскому языку как средству межнационального общения и единения народов СССР. Учебники для вузов, рассчитанные на будущих русистов, уже не могут полностью удовлетворить запросы филологов, специализирующихся в области близкородственного (украинского) языка, так как не отвечают требованиям программы.

Список литературы: 1. Программа КПСС. — М.: Политиздат, 1971. — 144 с. 2. Столетов В. В. Русский язык в национальной школе и педагогическая наука. — РЯШ, 1979, № 5, с. 3—7. 3. Филин Ф. П. Изучение русского языка на современном этапе. — Рус. речь, 1976, № 1, с. 11—16. 4. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. — М.: Наука, 1970. — 540 с.

ПРОГРАММИРОВАНИЕ И АВТОМАТИЗАЦИЯ
В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Обучение языку с самого начала рассматривалось как одна из наиболее перспективных областей применения идей программированного обучения (ПО) и обучающих машин (ОМ). За два десятилетия активной разработки теории и практики ПО в нашей стране создано и экспериментально проверено большое количество программированных материалов, в том числе и по русскому языку (см. библиографию в работах 8, 15 и литературу к настоящей статье). Однако накопленный опыт не получил однозначной оценки. По словам Н. Ф. Талызиной, «не только многие преподаватели-практики, но и многие специалисты считают, что программированное обучение не оправдало возлагаемых на него надежд, что его пора отошла» [11, с. 7]. Наряду с этим в литературе встречается и положительная оценка достижений ПО. Так, в последнем, 3-ем, издании «Методики русского языка в средней школе» проф. А. В. Текучев оценивает опыт создания программированных материалов по русскому языку как «в общем положительный» [13, с. 109].

Внедрение ПО сопровождалось активной разработкой и использованием в средней и высшей школе различных технических средств, автоматизирующих отдельные элементы учебного процесса (хотя ПО и не предполагает обязательного использования ОМ, а технизация учебного процесса не всегда связана с теорией ПО [11, с. 7]). Широкое применение технических средств, требующих частичного или полного программирования учебного материала, также выявило ряд объективных и субъективных факторов, сдерживающих дальнейшее развитие методики ПО.

В настоящей статье предпринимается попытка выявить некоторые причины, затрудняющие широкое использование ОМ и идей ПО в обучении русскому языку и наметить пути их устранения. Эффективность ПО зависит от качества программированных материалов и функциональных возможностей используемого технического средства. Основное место среди опубликованных программированных материалов по русскому языку занимают контрольно-тренировочные программы с выборочным ответом [3; 9; 16 и др.]. Обратная связь осуществляется или с помощью технического устройства, или в виде ключей ответов в конце программированного пособия. Основное назначение таких программ — обучение навыкам грамматического анализа и правописания.

Другой тип программированных пособий — обучающие программы по русскому языку, целью которых является сообщение и закрепление новой информации [1; 2; 8 и др.]. Это аналоги обычных учебников по объему сообщаемой информации, но предполагающие самостоятельную индивидуальную работу с пособием и управление процессом усвоения материала на основании самоконтроля (регулярной внутренней обратной связи). Такие пособия,

как правило, ориентируются на безмашинное программирование. Имеются и такие программированные материалы, которые предполагают комплексное использование технических средств наглядности и обратной связи и предназначены для обучения различным видам речевой деятельности (см., например, 4).

Как известно, полного программированного курса русского языка пока не создано. Составители обучающих и контрольно-тренировочных программ отбирают для программирования отдельные разделы и темы курса, и этот отбор стихийно отражает представление специалистов и практиков о наиболее целесообразной сфере применения методики ПО. ПО обнаруживает свои преимущества прежде всего там, где познавательная деятельность учащегося может быть смоделирована описаниями алгоритмического типа, а достижение цели обучения требует большого количества упражнений. Однако при подготовке программированных заданий педагог неизбежно сталкивается с проблемой обеспечения регулярной обратной связи: сообщения учащегося о верности выбираемого им решения на каждом шаге обучения. Ключи в конце учебника лишь частично могут решить эту проблему: они не исключают возможности подглядывания, не обеспечивают автоматизированной внешней обратной связи и главное — не показывают «длину пути» к правильному решению. Поэтому, по общему признанию, технические средства автоматизации внутренней и внешней обратной связи являются незаменимыми при работе с контрольно-тренировочными и контролирующими программами. Однако функциональные возможности машины должны строго соответствовать требованиям частной методики — в данном случае методики преподавания русского языка, так как «технические средства, применяемые для обучения и контроля, не изменяют методик обучения, а обслуживают их» [14, с. 185]. Технические устройства программированного обучения, получившие наибольшее распространение в нашей стране [см. 5; 6; 7; 14 и др.], обладают небольшими оперативными возможностями (5—10 вопросов), требуют, как правило, цифрового кодирования и применения выборочной методики построения ответов. Все это ограничивает возможность их эффективного применения в обучении русскому языку, требует специального «приспособления» как самого предмета, так и обучаемого к машине. Работа учащегося осложняется вспомогательными, отвлекающими операциями по кодированию ответов и другими операторскими функциями, связанными с управлением машиной. А это не может не вызывать так называемый «педагогический шум» — различного рода помехи и рассогласования в системе «учитель — машина — учащийся». В практике технизации обучения до сих пор наблюдается такое положение, когда «не особенности учения определяют требования к техническим средствам обучения, а, наоборот, процесс учения приспособляется к техническим возможностям машин» [11, с. 9]. Применение технических средств, заведомо неадекватных специфике предмета (в данном случае — русского языка) может привести

не к повышению, а к снижению качества знаний и эффективности всего процесса обучения.

На наш взгляд, первым и основным требованием к машинам, применяемым в обучении языку, должно быть сохранение естественного языка общения. Цифровое кодирование и перевод естественного языка на любой другой символический язык неизбежно снижает эффективность обучения. Наилучшим решением проблемы было бы обеспечение возможности диалогового общения с машиной на естественном языке в устной и письменной форме. Однако это дело будущего. Из уже имеющихся технических устройств задачам обучения языку наиболее отвечают системы, обладающие достаточно большим запоминающим устройством и возможностью побуквенного ввода ответа, что полностью отменяет необходимость кодирования. Наиболее полно такая схема может быть реализована в автоматизированных обучающих системах, предполагающих использование электронно-цифровых вычислительных машин [10]. Из технических средств, вошедших в «Каталог контролирующих и обучающих устройств» и допущенных Министерством высшего и среднего специального образования СССР для использования в учебном процессе высших учебных заведений, этому требованию в наибольшей мере отвечают комплекс для обучения «КОД-3006» и устройство для языковой тренировки «Лингва» [7]. В комплексе «КОД-3006» панель ввода ответов представляет собой клавиатуру пишущей машинки, в устройстве «Лингва» блок ввода ответов снабжен программной рамкой, в ячейках которой размещаются ответы предлагаемых упражнений на естественном языке (буквы, слова, морфемы). Напротив каждой из ячеек находится кнопка, нажатием на которую осуществляется ввод ответа. Избежать цифрового кодирования можно и на других контрольно-обучающих устройствах, имеющих для ввода ответов клавишные манипуляторы и номеронабиратели. Для этого достаточно снабдить пульта учащихся сменными шкалами блоков ввода ответов.

Объем памяти контрольно-тренировочного и обучающего устройства также имеет существенное значение для обучения русскому языку. Даже простые упражнения на подстановку букв обычно предъявляют учащемуся от двадцати до пятидесяти и более вопросов для ответа. Большинство существующих индивидуальных устройств для контроля и обучения рассчитано не больше чем на 10 вопросов без смены программы. При работе с такими устройствами методисты применяют прием перехода учащихся от одной машины к другой, что, конечно, создает неудобства при организации групповых занятий. Представляется, что объем памяти обучающего устройства должен соответствовать среднему количеству выполняемых учащимся умственных действий при решении орфографических и иных задач, предлагаемых в школьных и вузовских учебниках и пособиях.

В связи с этим следует остановиться еще на одном обстоятельстве, также сдерживающем широкое использование обучающих

машин в процессе обучения русскому языку. Из-за разнотипности технических устройств и отсутствия централизованного методического обеспечения классов программированного обучения дидактическими материалами каждый преподаватель, использующий контрольно-обучающие машины, вынужден, как правило, самостоятельно подготавливать и тиражировать программные материалы. Многие из применяющихся в настоящее время технических средств имеют внутренний носитель информации. Так, устройство для контроля и обучения «КИСИ-8» использует в качестве носителя информации отдельные карточки, причем объем одноразовой заправки — до 100 карточек. В других устройствах используется 35 мм киноплёнка, информация на которую наносится фотоспособом (например, устройство «Репетитор МЭИ»), что также требует большой затраты времени и определенной технической базы. На наш взгляд, в технических средствах программированного обучения должна быть заложена возможность использовать в качестве внешнего носителя информации обычный учебник или сборник упражнений, а также тексты из них с несложной дополнительной обработкой: более дробным разбиением на кадры, нумерацией вопросов и т. п. Разумеется, обязательным предварительным условием является техническая надежность устройства, исключение сбоев по причине конструктивных недостатков, возможность естественного включения работы с машиной в традиционное занятие.

Список литературы: 1. Власенков А. И. Приемы программированного формирования лингвистических понятий (на материале русского языка). — Программированное обучение. — К., 1979, вып. 16, с. 76—82. 2. Граник Г. Г., Божович Е. Д. Программированный учебник и сборник упражнений. Обособление второстепенных членов. — М.: Педагогика, 1970. — 247 с. 3. Дмитриев Б. А. и др. Материалы по русскому языку для работы в классе программированного обучения на машине «КИСИ-5». — Омск, 1973—1978, ч. 1—5. 4. Макарова Г. И. и др. Смотрите, слушайте, говорите. — К.: Изд-во при КГУ, 1966, вып. 1—6. 5. Марченко Е. К. Машины для обучения. Теоретические основы применения и методы логического проектирования. — М.: Высш. школа, 1974. — 312 с. 6. Попов В. Н. Перспективы развития технических средств обучения и аудиторной техники. — К.: Вища школа, 1979. — 97 с. 7. Каталог контролирующих и обучающих устройств. — М.: Изд-во при МГУ, 1977. — 33 с. 8. Санжаров Л. Н. Основы программированного обучения русскому языку в средней и высшей школе. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1972. — 132 с. 9. Сборник упражнений по морфологии современного русского языка (с элементами программирования). — М.: Просвещение, 1978. — 135 с. 10. Современное состояние и перспективы развития автоматизированных обучающих систем. — М.: НИИВШ, 1976. — 28 с. 11. Талызина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. — М.: Изд-во при МГУ, 1975. — 342 с. 12. Талызина Н. Ф. Использование технических средств обучения (по зарубежным материалам). — Программированное обучение. К., 1978, вып. 15, с. 11—15. 13. Текучев А. В. Методика русского языка в средней школе. — М.: Просвещение, 1980. — 413 с. 14. Технические средства обучения и контроля. — М.: Высшая школа, 1973. — 191 с. 15. Шатова Е. Г. Программированное обучение русскому языку. — В кн.: Роль и место программированного обучения в системе средств и методов обучения. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1974, с. 206—236. 16. Шевелев В. М. Контрольно-тренировочные задания по русской орфографии и методические указания к их выполнению в условиях машинного контроля. — Харьков: Изд-во при ХГУ, 1978. — 53 с.

Поступила в редколлегию 12.09.80.

З М І С Т

Кнейчер В. Н. Фольклор у творчій спадщині В. І. Леніна . . .	3
Михайлин І. М. Боротьба з «теорією» безконфліктності в українській радянській критиці (1946—1952 рр.) . . .	7
Чугуй О. П. Драматургічні елементи в ліриці Т. Шевченка (1843—1847 рр.) . . .	15
Піддубна Р. М. Особливості публіцистичного мислення Достоевського 1860-х років і формування романної поетики письменника . . .	23
Житеньов В. М. Функціональна роль звукопису в поезії В. Маяковського та її відбиття у перекладах Г. Гупперта . . .	33
Грабченко Н. І. Метафорична багатозначність як характерна особливість поезії барокко . . .	38
Коноваленко Ф. О. До питання про сучасні методи дослідження художнього мовлення . . .	44
Полякова Л. О. Особливості вживання форм активних дієприкметників у мові творів Г. Ф. Квітки-Основ'яненка . . .	47
Ужченко В. Д. Творення слів на базі фразеологічних одиниць . . .	54
Кабальєро Діас Л. Деякі питання зіставного вивчення функціонально-семантичних полів . . .	61
Клименко Н. Л. Деякі напрямки у вивченні мовних засобів вираження кількості . . .	65
Дорошенко Н. С. Інтернаціональні елементи у словотворі (досвід зіставного вивчення суфіксального творення іменників в англійській мові) . . .	71
Савченко Л. Р. Про сучасний стан проблем лінгвокраїнознавчого коментування художніх текстів . . .	76
Ярмак І. І. Про лінгводидактичні принципи створення учбового посібника з сучасної російської мови . . .	80
Шевелєв В. М. Програмування і автоматизація у навчанні російської мови . . .	85

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование по русскому и украинскому
языковедению и литературоведению

(На украинском и русском языках)

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Вища школа»

Редактор А. Х. Балабуха
Художній редактор В. Є. Петренко
Технічний редактор Г. П. Александрова
Коректор Н. А. Парфенова

Інформ. бланк № 7035

Здано до набору 29.12.81. Підп. до друку 15.12.82. БЦ 09425.
Формат 60 × 90/16. Папір друк. № 3. Літ. гарн. Вис. друк.
5,5 друк. арк. 5,75 фарбо.-відб. 8 обл.-вид. арк. Тираж 1000 пр.
Видавн. № 959. Зам. 2—46 Ціна 1 крб. 10 к.

Видавництво при Харківському державному університеті видавничого об'єднання «Вища школа». 310003, Харків-3, вул. Університетська, 16.

Надруковано з матриць книжкової ф-ки ін. Фрунзе в Харківській міській друкарні № 16. 310003. Харків-3, вул. Університетська, 16

Зам. 1705.